

ИЗБРАННАЯ

— Юлия Белова —

Юлия Белова

Избранная

<https://litres.ru/74622237>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главная героиня не сломлена. В её сердце горит неугасимый огонь: вернуться домой и воздать по заслугам тому, кто отнял у неё всё. Чтобы приблизиться к цели, она идёт на рискованный шаг — становится избранной наследника престола.

Однако путь к возмездию оказывается куда извилистее, чем она предполагала. В дворцовых стенах плетутся интриги: Повелитель отнюдь не намерен передавать власть старшему сыну. Героиня оказывается перед выбором: следовать изначальному замыслу или вмешаться в борьбу за престол.

Забыв на время о собственной мести, она бросает все силы на то, чтобы превратить своего господина в подлинного владыку Аркахаллы. Ведь для исполнения заветной мечты ей нужна опора — и эту опору может дать лишь сильный правитель.

Так переплетаются амбиции и долг, любовь и ненависть, личная месть и судьба целого государства. Сможет ли героиня сохранить верность себе, балансируя между гаремными интригами и большой политикой? И не растворится ли её изначальная цель в вихре дворцовых страстей?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	42
Глава 3	81
Глава 4	117
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Юлия Белова

Избранная

Глава 1

Громкий, властный голос Повелителя солнечной Арка-халлы — Джихиньяра Баладжара — разорвал утреннюю тишину, эхом разнёсся над главной ареной столицы, утопающей в предвкушении великого зрелища.

— Да начнётся Турнир!

Слова Повелителя были подхвачены тысячной волной голосов, словно могучий прилив, накрывший арену ликующим шёпотом. Вся толпа, будто единый живой организм, пульсировала в ритме грядущего состязания.

В стороне, отделённые от бурлящего моря зрителей, располагались специальные ложи для обитательниц гарема. Там, за непроницаемой стражей бдительных евнухов, наложницы и женская половина семьи Повелителя могли наблюдать за Турниром. Евнухи, застывшие, словно каменные изваяния, зорко следили за пространством вокруг, не допуская ни единого постороннего взгляда к своим подопечным.

Но Анна не разделяла этого уединения. Она стояла совсем в ином мире — рядом со своим господином, старшим сыном Повелителя, мензином Одашем Баладжаром. Его волнение

было почти осязаемо: пальцы нервно стискивали колчан для стрел, а взгляд метался между плотной массой зрителей и суrowым обликом отца. Первое состязание — стрельба из лука — висело в воздухе, как натянутая тетива, готовая сорваться в любой миг.

Вакхалиец Чоксо, который давно перешагнул границы роли стража, став для Одаша мудрым наставником, уже произнёс свои последние напутственные слова. Время шло к старту, и Анне вскоре предстояло покинуть своего господина, отправившись на женскую часть трибун.

— Не волнуйтесь, мой господин. Вы хорошо подготовлены, и победа будет за вами, — произнесла избранная с мягкой, ободряющей улыбкой, словно пытаясь укрыть Одаша от всех тревог этим тёплым словом.

— Мне не так важна победа, как страх снова подвести тебя, — ответил мензин с откровенностью, которая резала острее любого клинка.

Сердце Анны дрогнуло от этих слов — столь искренних, столь полных трепетной заботы. Но ответить она не успела.

Как вихрь, в их пространство ворвалась Тамиша Баладжар — единственная дочь Повелителя и его возлюбленной наложницы Бильшияр. Её появление было подобно вспышке драгоценного сияния: ослепительная улыбка, россыпь драгоценных камней, от которых во все стороны разлетались солнечные зайчики, превращая саму девушку в живую искру света.

— Брат мой! — воскликнула она, устремив свой взор исключительно на Одаша, будто Анны здесь вовсе не существовало. — Я так боялась опоздать!

Одаш ответил ей не улыбкой, а мрачной складкой губ, в его тоне прозвучал недвусмысленный намёк:

— Соревнование скоро начнётся, а тебе ещё нужно дойти до трибун.

Улыбка девушки дрогнула, словно тонкий лёд под натиском весеннего солнца, но лишь на одно мимолетное мгновение. С поразительной быстротой она взяла себя в руки — и вот уже снова лучезарная, с наигранной радостью на лице, застыла на месте, будто ничего не произошло.

Анна молча наблюдала эту сцену, и в её душе промелькнула трезвая мысль: Тамиша в своём стремлении завоевать расположение Одаша готова пренебречь всем — даже собственной гордостью. Она упрямо держится за свою цель, не видя преград.

Одаш, уловив холодность и непонимание в ответ на свои слова (а вернее — осознав, что его реплика попросту осталась без внимания), тяжело вздохнул. Его взгляд, словно свинцовый, вновь обратился к сестре.

— Что ты хотела? — произнёс он без тени любезности, будто бросая вызов.

— Я хотела пожелать вам удачи и победы в Турнире, — пропела Тамиша, будто щебечущая птичка, не замечающая прохлады в тоне брата.

— Спасибо, — буркнул Одаш, и в этом коротком слове прозвучала целая гамма чувств. Он бросил короткий, виноватый взгляд на Анну, словно ища у неё поддержки.

Тамиша, ободренная этой краткой благодарностью, не унималась:

— Знаете, — начала она с нарочитой небрежностью, — ходят слухи, что поцелуй красивой девушки перед соревнованием приносит удачу.

Одаш взглянул на сестру с неожиданным интересом, будто рассматривая нечто новое. Тамиша, изображая скромность, опустила глаза к земле и почти неувовимо приблизилась к брату — словно случайный шаг, полный скрытого смысла.

Анна лишь меланхолично усмехнулась про себя. В этот раз даже лёгкая волна отвращения не всколыхнула её душу — видимо, она уже привыкла к этой странной, почти болезненной привязанности Тамиши.

— А знаешь, сестра, я тоже где-то об этом слышал, — неожиданно улыбнулся Одаш, и в его голосе прозвучала нотка игры.

Глаза Тамиши вспыхнули, как утренние звёзды, отражая надежду. Она подалась вперёд, не отрывая взгляда от губ брата, словно пытаясь прочесть в них обещание.

Но Одаш, словно предвосхищая этот жест, резко обернулся. Одним плавным движением он притянул к себе Анну и запечатлел на её губах чувственный, обжигающий поцелуй.

В этот миг весь мир будто перестал существовать — остались только они двое, погружённые в вихрь эмоций.

Они не заметили, как по щекам дочери Повелителя прокатилась волна боли, отразившись в блестящих от слёз глазах. Тамиша резко отвернулась и бросилась прочь, а её слуги поспешили следом, словно тени, подчиняющиеся её порыву.

В этот момент затрубили трубы, и голос глашатая, словно раскат грома, разнёсся по арене, оглашая имена участников соревнования.

Одаш отстранился от Анны. В его глазах, затуманенных страстью, читалась целая вселенная чувств. Его избранная выглядела ещё прекраснее: её щёки пылали румянцем, а губы, припухшие от поцелуя, казались ещё более манящими.

В этот миг Одаш дал себе клятву — твёрдую, как сталь: он сделает всё возможное, чтобы в этих необыкновенно сияющих, небесного цвета глазах никогда не промелькнула тень разочарования.

Анна поняла его без слов. Она знала: Одаш выложится на полную, чтобы победить. Знала, ценила — и принимала его целиком, со всеми его слабостями и достоинствами.

— Мензин Одаш, вам пора, — словно из ниоткуда возник один из евнухов, его голос прозвучал как прохладный ветерок реальности.

Одаш оторвался от Анны, развернулся и твёрдым, уверенным шагом направился к месту сбора участников. Избранная проводила его взглядом, в котором смешались тревога

и решимость.

Игра началась. Сегодня либо они одержат победу, либо все их усилия окажутся напрасными — словно песок, унесённый порывом ветра.

Кивнув Чоксо, Анна поспешила занять своё место, чтобы не пропустить начало соревнования. Уходя, она ощутила на себе пристальный взгляд мензина Магнеша — и по её спине пробежала дрожь, словно ледяная рука коснулась кожи.

— Где ты пропадаешь? Первые стрелки уже вышли на позиции, — с лёгким упрёком произнесла наложница Нина, бросая на Анну выразительный взгляд.

Перед избранной предстала необычайно красивая девушка с густыми каштановыми волосами — помощница матери Повелителя, главы гарема, махирад Садише Баладжар. Нина была не просто наставницей, обучавшей девушек «искусству любви», — она стала для Анны надёжной подругой, верной соратницей, чей острый ум и преданность не раз выручали их обеих.

Анна не удостоила её ответом — лишь плавно скользнула на отведённое ей место. Перед глазами раскинулась арена: перед мишенями уже выстроились стрелки. Пять мишеней — по числу участников в каждой группе. Всего в Турнире состязались двадцать пять мужчин: умелые воины, стражи, сыновья высокопоставленных айширов... и оба сына Повелителя.

Первая пятёрка участников предстала перед публикой. Анна не знала никого из них, но каждый выглядел внушительно, излучая уверенность. В груди избранной затрепетало волнение, вопреки всем попыткам сохранить хладнокровие: «Справится ли Одаш?»

— Не ерзай! — прошипела Нина, впиваясь взглядом в беспокойную подругу.

— Я волнуюсь, — едва слышно призналась Анна.

— Я вижу, — фыркнула наложница. — Вот только своими метаниями ты мензину Одашу точно не поможешь. А если он заметит твоё беспокойство — это уверенности ему не добавит.

Слова Нины прозвучали как холодный душ, отрезвляя Анну. Она глубоко вдохнула, собираясь с мыслями, и заставила себя успокоиться.

Первая пятёрка уступила место второй. Снова ни одного знакомого лица. Эти участники уступали в мастерстве — их счёт оказался скромнее. Первый тур был безжалостен: испытание на выбывание для слабейших. Каждому давалось всего три стрелы, три попытки... Те, чей счёт не достигнет двадцати очков, покинут соревнование.

Третья пятёрка преподнесла сюрприз: среди стрелков оказался младший сын Повелителя — мензин Магнеш Баладжар. Молодой воин держался с холодной уверенностью, не выдавая ни тени волнения. Его результат поразил всех: тридцать из тридцати!

Толпа взорвалась восторженными возгласами, скандируя имя мензина Магнеша. Старшая наложница Бильшияр сияла от гордости, а Повелитель Джихиньяр кивал советникам с довольным видом. Анна аплодировала вместе со всеми... но сам участник оставался невозмутимым. Его взгляд медленно обвёл арену, задержавшись на трибунах, где сидели женщины гарема.

Даже на расстоянии Анна ощутила, что Магнеш смотрит прямо на неё. Лишь когда их взгляды встретились, на губах молодого воина промелькнула едва заметная улыбка. Однако сидящие рядом девушки истолковали этот жест по-своему — по трибунам прокатилась волна хихиканья и восторженных стонов.

Тем временем на арену вышла следующая пятёрка участников. Среди них был Ардэн Тадж — воин, чьё участие в Турнире было частью хитроумного плана Анны. Его задача заключалась не в победе, а в другом: в третьем, финальном туре — бою на мечах — Ардэн должен будет устранить как можно больше умелых соперников.

В стрельбе из лука Ардэн показал впечатляющий результат, набрав двадцать девять очков. Его меткость не оставляла сомнений: в грядущем бою на мечах этот воин станет грозной силой, способной изменить ход состязания...

На арену вышла последняя группа участников — и среди них, словно молния, возник Одаш. Его соперники встретили его взглядами, полными высокомерного презрения, не

утруждая себя даже попыткой скрыть насмешку. В воздухе повисла тяжёлая, едкая атмосфера. Где-то в толпе послышался язвительный ропот, словно шелест ядовитых листьев.

— Он хоть лук в руках держать умеет? — прогремел голос с дальней трибуны, и толпа взорвалась хохотом, будто стая гиен, учуявших добычу.

— Уберите его!

— Не смейте людей!

Анна ощутила, как внутри неё закипает ярость. Сердце колотилось, словно пойманная птица, а кулаки непроизвольно сжались. Повелитель, к её глубочайшему возмущению, оставался безучастным, будто эти насмешки не касались его собственного сына. Бильшияр же, напротив, упивалась ситуацией, словно ядовитый нектар.

Лишь махирад Садише Баладжар не осталась равнодушной. Её тонкий жест — едва заметный кивок старшему евнуху — и группа вооружённых стражей, словно тени, скользнула к самым активным насмешникам. Но Повелитель продолжал хранить ледяное молчание, будто происходящее его совершенно не касалось.

Анна почувствовала, как холод сковывает её душу. Что сейчас ощущает Одаш? Эта мысль, словно острый клинок, пронзила её сердце.

— Он справится, — прозвучал спокойный голос Чоксо рядом с ней.

Девушка резко обернулась, и её губы дрогнули в благодар-

ной улыбке. Вакхалиец излучал невозмутимость, и эта уверенность, словно тёплый свет, проникла в её душу, разгоняя мрачные тени. Собравшись с силами, Анна вновь обратила взор к арене.

Участники подняли первые стрелы. Напряжение повисло в воздухе, словно натянутая тетива.

Первый выстрел — и смеющаяся толпа замерла, будто поражённая молнией. Одаш попал в десятку! Арена затаила дыхание.

Вторая стрела — все взгляды прикованы к старшему менину. Свист стрелы разрезает воздух, и снова — попадание в яблочко! Удивление на лицах зрителей сменилось ошеломлением. Теперь уже никто не мог списать успех на случайность.

Третья стрела — и снова безупречная десятка! 30 очков — ровно столько же, сколько у Магнеша. Арена погрузилась в гробовую тишину, нарушаемую лишь тяжёлым дыханием зрителей. Неверие, шок, восхищение — все эти эмоции смешались в едином порыве.

Одаш Баладжар, невозмутимый, словно статуя, спустился с пьедестала и присоединился к остальным участникам. Анна не смогла сдержать взгляда, устремлённого на Повелителя. Его лицо было мрачно, будто затянутое тучами, но в глазах читалось нечто похожее на уважение. Бильшияр была потрясена, Садише — приятно удивлена. Даже Тамиша, забыв о недавней ссоре, светилась от радости, искренне гор-

дьясь братом.

Мишени отодвинули дальше — испытание становилось всё суровее.

Первая пятёрка показала достойные результаты. Во второй и третьей пятёрках показатели оказались скромнее. Магнеш вновь продемонстрировал высший балл, не оставив никому шансов. Неплохо выступила и пятёрка Ардэна.

Но все взгляды, словно магнитом, притягивались к менизину Одашу.

Первая стрела — десять очков!

Вторая — снова десять!

Третья — безупречное попадание!

Тамиша вскочила на ноги, захлопав в ладоши с детской непосредственностью. И, к удивлению Анны, её поддержали — сначала робкие, затем всё более уверенные хлопки разнеслись по трибунам.

Мишени отодвинулись ещё дальше. Участники ощущали, как напряжение становится почти осязаемым. Здесь становилось ясно, кто первым попадёт под отсев.

Магнеш, как всегда, был безупречен — 30 из 30! А вот Одаш показал менее впечатляющий результат: всего 24 очка — две девятки и одна шестёрка.

— Даже если он ни разу не попадёт, всё равно будет в тройке лидеров, — спокойно заметила Нина, внимательно наблюдая за хмурым лицом Анны.

Избранная не могла не согласиться. Их главная цель была

достигнута: Одаш доказал всем, что он не тот, за кого его принимали. Но что значил этот результат для самого Одаша? Ведь он возлагал на этот Турнир столь большие надежды...

Наступил решающий момент — участникам предстояло поразить движущиеся цели. Мишени, установленные на массивной платформе, оживали благодаря усилиям двух крепких слуг: они вращали огромное колесо, и мишени начинали плавно перемещаться, словно танцуя в воздухе.

Первая и вторая пятёрки справились довольно быстро — их выступления промелькнули, будто мгновения. Затем на арену вышла группа Магнеша. Анна невольно задержала дыхание, следя за младшим мензином. Волнение сдавило горло — она даже не заметила, как начала нервно кусать губу.

Первая стрела — свист, и... десять очков! Толпа взорвалась восторженным рёвом.

Вторая стрела — снова безупречное попадание! Арена гудела, словно улей, охваченный внезапным порывом ветра.

Магнеш поднял третью стрелу, сосредоточенно прицелился. Анна опустила взгляд, не в силах смотреть. В голове пульсировала мысль: «Очевидно, победителем этого этапа станет младший сын Повелителя».

— Четыре, — вдруг выдохнула Нина, её голос прозвучал как удар гонга.

— Что? — Анна вскинула голову, не понимая.

— Мензин Магнеш выбил четыре очка, — повторила Нина, широко раскрыв глаза, не отрывая взгляда от арены.

Анна посмотрела туда, где Магнеш стоял, хмурый и раздосадованный. Остальные участники его группы переглядывались с явным удивлением — никто из них не сомневался в его победе.

Участники сменились. Анна залюбовалась тем, как уверенно и спокойно Ардэн подошёл к линии стрельбы. Его движения были точны, словно отмерены невидимым метрономом. И в этот раз он показал впечатляющий результат — двадцать три очка.

Затем на позицию встал Одаш Баладжар. Даже с такого расстояния Анна видела, как сильно он волнуется. Пальцы, сжимающие лук, побелели от напряжения. Он украдкой бросил взгляд на своего учителя — Чоксо. В отличие от ученика, вакхалиец оставался абсолютно спокойным, излучая непоколебимую уверенность. И эта уверенность, словно невидимая нить, передалась Одашу.

Он сделал глубокий вдох, на мгновение прикрыл глаза, собираясь с силами. Взял первую стрелу. Анна, вместе с большей частью зрителей, затаила дыхание.

Свист стрелы разорвал тишину — и слуга поднял табличку с результатом: десять очков! Анна сжала кулаки, чувствуя, как сердце бьётся в унисон с каждым ударом её пульса.

Вторая стрела. Напряжение висело в воздухе, плотное, как туман. Все взгляды были прикованы к старшему сыну Повелителя. Остальные участники словно растворились в тени его фигуры. Вторая стрела — снова десятка!

— Если он попадёт в десятку в третий раз, то сравнивает счёт! — Нина подалась вперёд, её руки впились в подлокотники кресла, глаза горели азартом.

Анна затаила дыхание, наблюдая, как Одаш отпускает третью, последнюю стрелу. Она тоже подалась вперёд, пытаясь разглядеть мишень. Слуга взглянул на цель, записал результат и поднял табличку.

Десять.

Одаш снова попал в десятку. Итого — тридцать очков. Он сравнивал счёт с Магнешем.

Это было невероятно. Казалось, сами боги встали на их сторону. Анна, охваченная радостью, зааплодировала, не замечая, как ладони начинают болеть от ударов.

Глашатай объявил об окончании первого тура и о небольшом перерыве — шла подготовка ко второму этапу состязаний. Анна откинулась на спинку высокого стула, чувствуя, как напряжение, сковывавшее её всё это время, постепенно отпускает.

Одаш бросил взгляд на трибуны. Анна помахала ему рукой, но не была уверена, что он заметил её жест. Зато она поймала слегка удивлённый, но довольный взгляд айшира Анаташа. Старый советник, встретив её взгляд, склонил голову. Анна улыбнулась и кивнула в ответ.

— Напитки, — раздался голос рядом. Девушка с подносом появилась словно из ниоткуда.

Нина и Анна взяли по кубку прохладного напитка.

— За первую маленькую победу, — тихо, с улыбкой произнесла Нина.

— Не рановато ли праздновать? — с сомнением спросила Анна.

— Согласись, это уже большой прорыв, — уверенно ответила Нина.

Анна не стала спорить. Её внимание привлекло движение у трибун. Немного отклонившись, чтобы деревянные поручники не закрывали вид, она увидела фаворитку Повелителя — Бильшияр. Та оживлённо разговаривала с двумя евнухами, гневно размахивая руками. Евнухи покорно склонили головы, внимая её словам.

Бильшияр замолчала и резко махнула рукой. Евнухи, поклонившись, удалились. Старшая наложница направилась обратно к своему месту. Анна тут же отвернулась, чтобы та не заметила её взгляда.

Анна и Нина тихо переговаривались о предстоящем показе талантов, погружённые в полушёпот, словно в уютный кокон. Но вдруг на арене всколыхнулось движение — будто ветер пробежал по поверхности воды.

Глашатай выступил на специальную площадку, его голос, громкий и чёткий, разнёсся над толпой: он зачитал имена тех, кто выбыл из состязаний по итогам первого тура. Затем объявил: скоро начнётся второй этап — заезд на лошадях.

Вокруг закипела жизнь: кому-то уже подвели скакунов,

другие оживлённо переговаривались, радуясь, что прошли дальше. Но возле Одаша царила иная картина — лишь перепуганные слуги суетились, бегали туда-сюда, словно муравьи, потерявшие тропу.

— Не нравится мне это, — хмуро пробормотала Анна, наблюдая за суетой внизу.

Она подошла к краю трибун — там, внизу, стоял её стражник, Чоксо.

— Ты не мог бы... — начала она.

— Сейчас, — коротко ответил вакхалиец и мгновенно растворился в толпе.

Анна вернулась к Нине. Время тянулось мучительно долго, а Чоксо всё не появлялся. На арене участники уже выстраивались со своими лошадьми — и лишь Одаш куда-то исчез. Волнение в душе Анны нарастало, словно волна, готовая обрушиться. Наконец она не выдержала.

— Ты куда?! — воскликнула Нина ей вслед, но Анна уже не слышала.

Избранная стремительно спустилась с трибун, обошла их и направилась к выходу с арены. Остановилась, вглядываясь в суетящуюся толпу: деловитые слуги, предвкушающие участники, яркие плащи, звон упряжи... Где искать Одаша и Чоксо?

Взгляд Анны упал на мензина Магнеша. Он внимательно проверял седло своего скакуна, не замечая её присутствия. Лучше не попадаться ему на глаза.

Поразмыслив, Анна направилась к конюшням.

И её догадка оправдалась.

У дверей конюшни стояли Одаш, Чоксо и Ардэн — и жарко о чём-то спорили.

— Что случилось? Скоро объявят о начале второго тура. Почему вы всё ещё здесь? — бросилась к ним Анна, засыпая вопросами.

— У нас проблема, — хмуро буркнул Одаш.

— Кто-то увёл всех лошадей, — добавил Ардэн.

— Как?! — не поверила Анна и рванулась в конюшню.

После яркого солнечного дня внутри было непривычно темно. Она замедлила шаг, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку. Когда тьма рассеялась, сердце сжалось: конюшня оказалась пуста. Ни единой лошади — даже скакун Одаша исчез.

Анна вернулась к мужчинам.

— ...У нас нет другого выхода, — донёсся до неё обрывок слов Ардэна.

— О чём вы? — спросила она стража.

— Мензин Одаш должен взять мою лошадь, — пояснил Ардэн.

— Тогда ты будешь исключён из участников. Нет. Я должен найти другой выход, — твёрдо возразил Одаш.

— Мой господин прав. Вы должны пройти в третий тур, — поддержала его Анна, глядя в глаза с нескрываемой настойчивостью. — Мы можем взять лошадь у стражей.

— До ближайших стражей с лошадьми слишком далеко. Как и до второй конюшни. Пока мы доберёмся, соревнование начнётся. Мензин опоздает и проиграет. Моя лошадь — единственный выход, — стоял на своём страж.

Но Анна не соглашалась. Ардэн был нужен им в третьем туре — чтобы убрать как можно больше соперников для Одаша. Если они не найдут лошадь в ближайшее время, все их усилия пойдут прахом...

Её взгляд упал на задумчивого вакхалийца.

— Чоксо, у тебя есть идея?

— Чоксо знает, где найти конь. Но конь тот дикий. Сильный. Чоксо знает, где он, но конь — опасность, — на ломаном языке попытался объяснить мужчина, глядя только на Анну.

Ардэн покачал головой.

— Ты говоришь о Чёрном Демоне? — спросил он и, дождавшись согласного кивка, добавил: — Нет. Это опасно. Он слишком буйный.

— Я справлюсь с ним, — уверенно заявил Одаш.

— Нет. Это слишком опасно, — снова повторил Ардэн.

— Господин мой, боюсь, я вынуждена согласиться с господином Ардэном, — тихо добавила Анна.

Вместо ответа Одаш вдруг притянул Анну к себе и поцеловал.

Отстранившись, он посмотрел прямо в глаза растерянной девушки:

— Я не намерен сдаваться.

Отпустив её, он обернулся к Чоксо и Ардэну:

— Ты — ведёшь меня к этой лошади. А ты — удержи начало соревнования.

— Мензин... — попытался возразить Ардэн.

— Быстро! — рыкнул на него Одаш.

И они с Чоксо бросились куда-то за конюшню.

Анна и Ардэн остались одни.

После неожиданного поцелуя Анна чувствовала себя неловко. Щеки пылали, взгляд скользил по земле. Она не могла поднять глаз на стоящего рядом мужчину.

Со стороны арены донеслись громкие крики. Анна встряхнула головой. Сейчас не время поддаваться чувствам.

Она обернулась и поспешила к входу на арену — нужно было выиграть время для мензина. Но едва она сделала несколько шагов...

Крепкие мужские руки неожиданно подхватили её за талию. Мгновение — и она ощутила полёт. В следующий миг Анна уже сидела на лошади.

Ардэн на ходу усадил её перед собой, пришпорил коня и направил его к арене.

Они ворвались на площадку, остановились. Страж первым спрыгнул на землю, помог Анне спуститься, но рук с её талии не убрал.

— Пора начинать соревнование! — раздался властный голос распорядителя Турнира, словно удар гонга, оборвавший

все сомнения.

Ардэн мгновенно склонился к Анне, едва шевеля губами:
— Подыграй мне.

И тут же, резко выпрямившись, он во весь голос выкрикнул:

— Лекаря! Скорее лекаря! Избранной плохо!

Анна на миг замерла, глядя на кричащего стража. Затем, собрав волю в кулак, закатила глаза и медленно обрела вид человека, теряющего сознание. Сквозь полуприкрытые веки она видела, как к ним со всех сторон устремляются фигуры: стражи, пара евнухов, а следом — сам распорядитель в окружении помощников.

— Ардэн Тадж, почему вы задерживаете соревнования?!
— ещё на подходе гремел он. — Если вы сейчас же не проследуете к старту, будете сняты с соревнований!

Лишь приблизившись, он наконец заметил Анну.

— Кто это? — нахмурился он.

— Избранная мензина Одаша, — отчеканил Ардэн. — Кто-то послал за лекарем?

Распорядитель с явным сомнением окинул воина взглядом, затем опустил глаза на девушку, изображавшую обморок.

— Оставьте девушку слугам, а сами — на старт, — процедил он с недовольством.

— Вы, видимо, не расслышали меня, — прошипел Ардэн, поднимая Анну на руки так, что она оказалась прямо перед

носом распорядителя.

Тот скривился, обернулся в сторону Повелителя. Джихиньяр Баладжар, сидящий на возвышении, был явно раздосадован — он что-то резко выговаривал своему верному советнику. Но айшир Анаташ, несмотря на преклонные годы, не терял бдительности: его острый взгляд скользнул по сцене, и он мгновенно распознал девушку на руках Ардэна.

Советник, годами доказавший свою проницательность, быстро окинул арену взглядом — Одаша нигде не было. В тот же миг он понял замысел Анны. Едва заметная усмешка тронула его седые усы, и он вновь отвлёк внимание Повелителя на себя.

Но распорядитель не ведал о хитром манёвре советника. Недовольство Повелителя он принял на свой счёт. Дрожащей рукой он достал из широкого рукава белоснежный платок и вытер пот со лба.

— Ардэн Тадж, вы всех задерживаете! — снова прошипел он, сверля стража взглядом.

— Кого я задерживаю? Не все участники на месте, — резко парировал Ардэн.

— Приказ Повелителя — начать второй тур!

Мужчины вступили в жаркий спор, полностью позабыв об Анне, хотя она по-прежнему покоилась на руках одного и находилась под самым носом у другого.

В этот момент к ним, тяжело дыша, подбежал старый лекарь, сжимая подмышкой деревянный сундучок. Двое моло-

дых помощников едва удерживали его под руки — сам он уже едва стоял на ногах.

— Кому плохо? — переведя дух, вклинился он в спор.

Распорядитель и Ардэн удивлённо переглянулись, затем синхронно опустили взгляды на Анну.

— Вот, — изрёк распорядитель, — отдайте девушку и всё.

— Вы, кажется, всё ещё не понимаете, — повторил Ардэн с ледяной твёрдостью. — Это — любимая наложница мензина Одаша. Если с ней что-то случится... Вы лично будете держать ответ перед мензином, перед главой гарема махирад и перед самим Повелителем.

Лицо распорядителя побледнело. Он растерянно обернулся к лекарю, словно ища поддержки. В этот миг к группе присоединился ещё один страж — он передал приказ Повелителя: начать следующее соревнование немедленно.

Распорядитель выслушал, кивнул, бросил последний вопросительный взгляд на Ардэна. Воин стоял непоколебимо.

Наконец распорядитель сдался. Он подал знак закрыть ворота — это означало, что опоздавшие уже не смогут принять участие в состязании. Хмыкнув, он поспешил на своё место, откуда наблюдал за происходящим.

Анна понимала: такой исход их не устроит.

Она «очнулась» — резко, бодро — и соскочила с рук Ардэна.

— Мне уже намного лучше, спасибо. Господин лекарь, вы просто волшебник, — произнесла она с лучезарной улыбкой.

Схватив Ардэна за руку, она потянула его прочь.

Старый лекарь лишь изумлённо смотрел ей вслед, пока наконец не повис на руках своих помощников.

Анна отвела Ардэна в сторону.

— Вы должны принять участие в дальнейшем соревновании, — твёрдо сказала она. — Мы должны следовать нашему плану.

— Но ведь ворота уже закрыли. Мензин просто не попадёт на арену, — возразил Ардэн.

— Не думайте об этом. Вы должны сделать то, о чём мы договаривались, — повторила она. — Не волнуйтесь.

Ардэн бросил взгляд на распорядителя, который уже давал последние наставления глашатаю. Обернувшись к девушке, он вновь поразился невероятной синеве её глаз.

Нежно сжав её маленькую ладошку, всё ещё удерживающую его руку, он отпустил её. Шагнул к своей лошади, одним плавным движением взлетел в седло и направился к линии старта.

— Госпожа, вам следует пройти на своё место, — с нажимом произнёс один из помощников распорядителя, словно вбивая каждое слово в пространство между ними.

Анна проводила взглядом Ардэна, затем медленно обернулась к говорившему. В её глазах вспыхнул немой вызов.

— Откройте ворота, — отрезала она, и в голосе зазвучали стальные нотки приказа.

— Приказ распорядителя — держать ворота закрыты-

ми до самого окончания Турнира, — ответил мужчина бесстрастно, словно повторял заученную мантру.

— Мензин Одаш всё ещё не появился. Он вернётся с минуты на минуту. Вы же не станете препятствовать сыну Повелителя? — настаивала Анна, шагнув ближе.

Но помощник остался глух. Напротив — заметив решимость в её взгляде, он подал знак стражам приблизиться. Анна вскинула бровь, оценивая его храбрость — или, скорее, слепое послушание.

— Прошу вас, пройдите на своё место. Соревнование вот-вот начнётся, — натянуто улыбнулся мужчина. — Эти люди проведут вас к трибунам и присмотрят, чтобы с вами ничего не случилось.

— Или чтобы я ничего не натворила, да? — хмыкнула Анна, и в её усмешке сквозила горькая ирония.

Помощник виновато опустил глаза, развёл руками — мол, я лишь исполняю приказ. Анна перевела взгляд на самого распорядителя. В голове щёлкнул замок догадки: это его замысел. Он ловко переложил ответственность на подчинённого — если с Анной что-то случится, виноват будет помощник; если она попытается что-то предпринять — снова он, недоглядевший, допустивший ошибку. А распорядитель останется в стороне, чистый и неуязвимый.

Делать было нечего. Анна развернулась и направилась к трибунам, чувствуя, как внутри разгорается огонь бессильной ярости. Нина встретила её удивлённым взглядом, затем

вопросительно покосилась на стражей, сопровождавших избранную.

В двух словах Анна обрисовала ситуацию.

— Это происки Бильшияр. Я уверена в этом, — хмуро процедила Нина, сжимая подлокотники кресла. — Говоришь, они закрыли ворота?

Анна молча кивнула, не отрывая взгляда от арены. Глашатай уже получил последние инструкции и шагал к помосту. Время, выигранное их дерзким представлением, истекло. Сейчас всё начнётся — а Одаша всё ещё не было.

— Не волнуйся. Он успеет, — твёрдо сказала Нина, но в её голосе звучала не просто уверенность — она словно знала нечто, недоступное Анне. — А с воротами мы сейчас тоже всё решим. Абби!

Евнух скользнул прочь, исполняя приказ госпожи. Нина вложила в руки Анны бокал, настойчиво поднесла к её губам:

— Пей.

Анна сделала пару глотком, едва ощущая вкус. Наложница излучала непоколебимую уверенность, будто знала: всё сложится, как нужно. Но в душе Анны царил хаос.

Глашатай громогласно провозгласил начало второго соревнования. Быстро зачитал правила, пожелал участникам удачи. Зазвучали трубы — долгий, пронзительный зов, от которого вздрогнула вся арена.

Соревнование началось.

Участники одновременно тронулись с места. Толпа взорвалась криками, поддерживая всадников. За спиной Анны раздался резкий возглас Тамиши:

— Но как же так?! Одаш ещё не...

Её слова потонули в гвалте. Садеше, оглушённая рёвом толпы, лишь рассеянно кивнула, а Бильшияр сделала вид, будто не услышала. Она улыбалась, непринуждённо переговариваясь с другими наложницами, и в этой улыбке Анна прочла торжество.

Избранная снова прикусила губу, сдерживая рвущееся наружу волнение.

И вдруг — грохот, от которого замерла вся арена.

Анна вскочила, бросилась к перилам.

На арену ворвался Одаш — верхом на чёрном, словно сама ночь, жеребце. Животное было невероятно: огромное, с густой, струящейся гривой и хвостом, похожим на шёлковый шлейф. Оно встало на дыбы, громко заржало — казалось, ещё миг, и оно сбросит седока.

Но Одаш справился. Одним чётким движением он заставил коня развернуться и устремиться вслед за уже отдалившимися участниками забега.

— Чёрный Демон! — выкрикнул кто-то из толпы.

И этот крик, словно искра, вспыхнул в десятках голосов, разлетелся по трибунам:

— Чёрный Демон! Чёрный Демон!

Арена замерла, заворожённая зрелищем: всадник и конь,

слившиеся в единый вихрь тьмы и воли, мчались вперёд, бросая вызов судьбе.

Невероятно, но старший сын Повелителя вновь приковал к себе всеобщее внимание. Словно невидимая нить связала каждого присутствующего с этой парой — черноволосым всадником и угольно-чёрным зверем. Даже Анна, забыв о собственной тревоге, застыла, заморожённая зрелищем.

Одаш и Чёрный Демон слились в единый поток тьмы и воли — два сердца, бьющиеся в унисон. В воздухе витало нечто первобытное, дикое, но подчинённое железной воле всадника.

Толпа взорвалась:

— Мензин Одаш! Чёрный Демон!

Клич раскатывался по арене, подхватываемый сотнями голосов, отскакивая от стен, заполняя собой каждый уголок.

Внизу, у подножия трибун, появились Чоксо и Абби. Их взгляды нашли Анну — она склонила голову в безмолвной благодарности. Девушка не знала, как им удалось повернуть задуманное, но их вклад был неоспорим.

Анна окинула взглядом ликующую толпу, скандирующую имя старшего мензина, затем перевела взгляд на самого Джихиньяра Баладжара. Повелитель выглядел... заинтересованным. В его глазах читалось удивление — не гнев, не пренебрежение, а искреннее любопытство.

Совсем иное выражение лица было у его возлюбленной. Бильшияр пылала яростью. Её пальцы судорожно сжимали

веер, а щёки пылали от гнева. Анна невольно посочувствовала тем слугам, которых старшая наложница отправила в конюшни — их наверняка ждёт суровая расплата.

Но в душе Анны шевельнулась странная благодарность. Ведь если бы не этот злонамеренный поступок, не было бы и столь грандиозного эффекта.

Когда взгляд Бильшияр наконец упал на избранную старшего мензина, Анна не сдержалась — улыбнулась и склонила голову с почтительным поклоном. Старшая наложница задохнулась от такой наглости, яростно замахав веером перед раскрасневшимся лицом.

— Это просто невероятно! — выкрикнула Нина, пытаясь пересилить многоголосый рёв толпы.

И Анна не могла не согласиться.

Девушка вновь подалась вперёд, впиваясь взглядом в всадников, заходивших на второй круг.

Невероятное зрелище: Одаш на Чёрном Демоне не просто догнал ушедших вперёд соперников — он начал их опережать. Каждое движение коня, каждый наклон всадника были исполнены грации и силы.

На третьем круге Одаш обогнал больше половины участников. К концу четвёртого он уже занимал четвёртое место. Мощь и скорость Чёрного Демона поражали воображение.

Анна не сомневалась: Ардэн, идущий пятым, намеренно сдерживал своего скакуна. Он давал мензину возможность вырваться вперёд, одновременно мешая остальным настиг-

нуть его.

Оставался последний, решающий круг. Пятерка лидеров уверенно двигалась к финишу.

Одаш начал настигать третьего всадника — и вскоре обошёл его. Это произошло прямо напротив женских трибун, и Анна отчётливо разглядела изумление на лице незнакомого наездника.

Второе место занимал племянник айшира Анаташа. А впереди, далеко оторвавшись от остальных, мчался Магнеш — младший сын Повелителя, полностью поглощённый азартом погони. Он, казалось, даже не подозревал о том, что творится у него за спиной.

Одаш уверенно продвигался вперёд и вскоре занял второе место. Но времени не хватило. Магнеш был слишком далеко впереди.

«Если бы они стартовали одновременно...» — мысленно вздохнула Анна. Она была уверена: в равных условиях старший мензин пришёл бы первым. Чёрный Демон превосходил всех остальных скакунов. Он без труда одолел бы даже знаменитого Ястреба, принадлежащего Магнешу.

Финишная черта.

Победителем второго тура стал Магнеш Баладжар.

Второе место — Одаш.

Третье — племянник айшира Анаташа.

Четвёртое — Ардэн.

Толпа ликовала, ожидая финиша остальных участников.

Анна вернулась на своё место.

— Ты поняла, что только что произошло? — тут же обратилась к ней Нина, едва избранная опустилась в кресло.

Глаза наложницы горели от переизбытка эмоций. Она схватила кубок и сделала несколько жадных глотков прохладного напитка, пахнущего мятой и цитрусом.

— Одаш пришёл вторым, — задумчиво произнесла Анна.
— Но думаю, это не проблема.

Нина тихо рассмеялась, ставя кубок на небольшой столик между их креслами. В её глазах плясали озорные огоньки, а на губах играла едва уловимая улыбка.

— Не проблема? Ты, видимо, всё-таки ничего не поняла, — произнесла она, и в голосе прозвучала нотка торжественного предвкушения. — Этот день станет легендой. Ведь Одаш Баладжар только что совершил то, что все считали попросту невозможным.

Анна перевела взгляд на арену. Последние участники наконец достигли финиша, и глашатай громогласно объявил об окончании второго состязания. Всадники начали спешиваться.

Одни сияли от радости — их лица озаряли улыбки, они смеялись, поздравляли друг друга, кланялись ликующей толпе. Было видно: несмотря на итоговые результаты, само состязание стало для них настоящим праздником.

Другие же, напротив, выглядели подавленными. В их глазах читалась горечь поражения — они не желали покидать

список участников Турнира, надеясь на большее.

Анна вновь отыскивала взглядом Одаша. Он уже спешился и, крепко удерживая узду, ласково гладил Демона по шее, что-то тихо приговаривая. Конь вёл себя на удивление смирно — казалось, он внимательно слушал своего наездника, то и дело пофыркивая и покачивая головой.

Но стоило двум грумам приблизиться, чтобы увести животное — как это делали с остальными скакунами, — Чёрный Демон внезапно взвился на дыбы. Его истошный рёв разорвал воздух, копыта бешено били в пустоту, едва не задев одного из слуг.

Одаш едва удержал его. Резким окриком он отогнал застывших в страхе грумов — судя по их поспешному бегству, приказ был не из ласковых. Лишь когда они удалились, конь начал успокаиваться.

В итоге Одашу пришлось самому отвести его обратно в конюшню.

Анна повернулась к Нине, в её взгляде читалось недоумение.

— Что ты имела в виду? — спросила она.

— Чёрный Демон, — пояснила Нина, и её голос зазвучал как рассказчица древних преданий. — Этот конь давно стал легендой, что передаётся из уст в уста не только во дворце, но и далеко за его пределами. Его подарили Повелителю больше года назад — привезли на корабле из далёкого Дрейна. О чём именно договорились Джихиньяр и король Дрейна, мне

неведомо. Неизвестно и то, что между ними произошло. Но в итоге монарх прислал этот дар, заявив, что Чёрный Демон — лучший конь из его табуна. И оседлать его сможет лишь истинный *кхараэт* — воин, достойный вести дела и скреплять союзы.

Повелитель, не подозревая подвоха, решил испытать подарок в тот же день. Итог был плачевен: он был сброшен, получив при этом травмы. Многие тогда полагали, что коня убьют. Но Джихиньяр не сдался — раз за разом пытался приручить его, и каждый раз терпел поражение.

Наконец, ему это надоело.

Следующим попытался Магнеш — и тоже безуспешно. Были и другие смельчаки, но никто не смог даже сесть на него. Люди начали шептаться, что это порождение самой Тьмы.

В конце концов, Чёрного Демона отвели в самую дальнюю конюшню и словно забыли о нём. Но слухи расползлись быстро. Так родилась легенда о *кхараэт*, который сможет укротить Демона.

Нина замолчала, давая Анне время осмыслить услышанное.

— Сегодня легенда стала явью, — продолжила наложница, и в её голосе зазвучала торжественная нота. — Одаш стал *кхараэт*. Неважно, какие результаты он показал в состязании. На это никто не обратит внимания. Все будут говорить лишь о том, что он совершил невозможное — приручил Чёр-

ного Демона. Даже Повелитель и Магнеш не смогли этого сделать.

Анна не сдержала улыбки. В душе разлилось тёплое чувство удовлетворения — именно этого они и добивались.

Сегодня они доказали всем: Одаш Баладжар достоин называться сыном своего отца. Достоин быть наследником.

Нина едва ощутимо коснулась руки Анны. Та обернулась — и по кивку подруги перевела взгляд туда, куда указывала наложница.

Бильшияр.

Старшая наложница не сводила с Анны пристального, пронизывающего взгляда, сощутив глаза до узких щёлок. В её взгляде читалась холодная ярость — она наконец поняла, кто стоял за всем этим «безобразием», кто разрушил её тщательно выстроенные планы.

Анна неспешно подняла бокал, словно салютуя противнице. Сделав неторопливый глоток, она с лёгкой полуулыбкой отвернулась.

— Не дразни её, — тихо, с ноткой упрёка произнесла Нина. — Она опасна.

— Просто не смогла удержаться, — честно призналась Анна, и в её глазах мелькнула искра дерзкого веселья.

Нина лишь покачала головой. Годы, прожитые во дворце, научили её ценить осторожность. Она знала: мстительная натура Бильшияр способна породить куда более изощрённые козни, чем та вспышка гнева после пинайта Одаша. Нынеш-

няя стычка могла оказаться лишь разминкой перед настоящей бурей.

Пока на арене выступали местные артисты, развлекая публику перед началом третьего, заключительного испытания, судейская коллегия уже подвела итоги и подготовила списки. Кто-то покидал Турнир, кто-то готовился к новому испытанию — бою на мечях.

Женщины перешёптывались, смеялись, бросали кокетливые взгляды на молодых воинов, которые, не стесняясь, красовались перед ними. Но зоркий взор семмы Соен не упускал ни одной детали. Она бдительно следила, чтобы веселье не перешло границ дозволенного.

Садеше Баладжар удовлетворённо опустила взгляд на Бильшияр. Та пылала злобой, сжимая кулаки, её лицо искажала маска негодования. Улыбка махирад стала шире.

«Лучше и придумать нельзя», — мысленно отметила она.

Несмотря на все ухищрения старшей наложницы, у её любимого сына появился серьёзный соперник. И кто бы мог подумать — Одаш! Одно его выступление в заезде на Чёрном Демоне навсегда войдёт в летописи столицы, а может, и всей Аркахаллы.

Взгляд старой женщины скользнул к Анне. В нём мелькнула задумчивость.

«Могло ли всё это случиться по её воле? — размышляла она. — Разве способна простая рабыня так повлиять на ход

событий?»

Садити решила: нужно присмотреться к этой девушке повнимательнее.

Анна не подозревала, какие мысли роились в голове матери Повелителя. Всё её внимание было приковано к помосту, куда вышел глашатай.

Зазвучали трубы — громкий, торжественный призыв, заставляющий всех обратить взоры к центру арены. Когда гул толпы стих, зычный голос глашатая разнёсся над трибунами: он зачитывал имена тех, для кого Турнир завершился, и тех, кто пройдёт в следующий этап.

Восемь участников.

С помощью жеребьёвки сформировали четыре пары. Под оглушительные аплодисменты воины вышли на арену, встали друг против друга.

Анна напряжённо всматривалась в соперников:

Одаш — напротив него светловолосый незнакомец, чьё лицо ничего ей не говорило;

Ардэн — в паре с племянником айшира Анаташа;

Магнеш — его противником оказался тот самый могучий воин, чью тренировку Анна однажды наблюдала; две другие фигуры — совершенно незнакомые.

В победе Магнеша она не сомневалась: его сила и мастерство были очевидны. В Ардэне — тоже: ей казалось, что лучшего мечника во всём дворце не сыскать. Но за Одаша серд-

це сжималось. Возможности его соперника оставались для неё тайной. А Анна терпеть не могла играть вслепую.

— Не волнуйся, — тихо произнесла Нина, заметив её беспокойство. — Одаш выиграет. В этом раунде — обязательно.

Анна вопросительно подняла взгляд.

Наложница лишь коварно улыбнулась:

— Его соперник — «свой» человек.

Что это значило, Анна не поняла. Но Нина явно не собиралась пояснять.

Трубы взревели, разорвав напряжённую тишину, и глашатай громогласно провозгласил начало состязания. Мечи скрестились с пронзительным звоном, словно сами небеса откликнулись на этот вызов.

Анна впилась взглядом в Одаша, стараясь не упускать из виду и остальных участников. Каждый удар, каждый выпад она проживала вместе с ним — сердце замирало при опасной атаке, облегчённо вздыхало при удачном отражении.

Старший мензин держался достойно. Его движения были чёткими, выверенными — ни тени растерянности, ни намёка на слабость. Он уверенно парировал удары соперника и сам наносил стремительные, точные выпады.

Не менее впечатляюще выглядели и Ардэн с Магнешем. Они словно танцевали со смертью — их клинки сверкали в воздухе, не оставляя противникам ни единого шанса на победу.

В последней паре борьба шла на равных. Оба воина де-

монстрировали поразительное мастерство, их мечи переплетались в причудливом ритме, будто вели собственный диалог. Если по истечении времени никто не возьмёт верх, им предстоит сразиться с победителями других пар.

Но тут внимание Анны привлёк неожиданный переполох на трибуне Повелителя. Она невольно отвернулась от арены, и в тот же миг её взгляд уловил поразительную картину:

Джихиньяр Баладжар поднялся во весь свой величественный рост. За ним, словно послушная волна, встали и все члены Совета. Повелитель что-то произнёс — Анна не расслышала слов, — и широким жестом указал на сражающихся внизу воинов. Затем он первым направился к выходу, а за ним, не смея ослушаться, потянулись и остальные советники.

— Куда они уходят? — брови Анны невольно сдвинулись в недоумении. — Соревнование ведь ещё не окончено...

— А зачем Повелителю ждать окончания? — раздался рядом ледяной голос, от которого по спине пробежал холодок.

Анна и Нина мгновенно вскочили, склонившись перед появившейся старшей наложницей. Бильшияр стояла над ними с выражением самодовольного превосходства, её глаза сверкали, словно два острых клинка.

Она медленно перевела взгляд вниз, туда, где первый раунд завершался триумфом её сына. Магнеш уверенно шёл к победе — это было очевидно каждому.

— Вы что-то сказали, госпожа? — с притворной любез-

ностью осведомилась Нина, растягивая губы в улыбке.

Бильшияр метнула в неё раздражённый взгляд — видимо, надеялась уязвить наглость наложницы. Но Нина оставалась невозмутимой.

— Я сказала, — с нажимом произнесла старшая наложница, — что Повелителю нет смысла ждать окончания соревнований. Всем и так ясно, кто станет победителем.

В этот миг многолюдная толпа взорвалась радостными криками. Женщины одновременно обернулись к арене.

Как и ожидалось, Магнеш одержал верх в своей паре. В тот же миг Одаш поверг своего соперника — его клинок замер в дюйме от груди противника, обозначая безоговорочную победу.

Анна не смогла сдержать улыбки. Она медленно повернулась к помрачневшей Бильшияр.

— Я бы не спешила с выводами, — тихо, но твёрдо произнесла она.

Глава 2

Старшая наложница, словно ядовитая змея, метнула в девушку испепеляющий взгляд. Задрав подбородок, она с царственной надменностью прошествовала к своему месту, каждым движением подчёркивая собственное превосходство. Анна и Нина, не отрывая глаз от этой сцены, неспешно опустились на скамьи, обмениваясь молчаливыми взглядами, полными невысказанных мыслей.

Ардэн одержал верх над своим противником — и это была победа не грубой силы, а хладнокровного расчёта. В последней четвёрке, где Анна не знала ни одного из бойцов, разыгралась драматичная сцена. Один из мужчин на миг отвлёкся, бросив взгляд на поверженных соперников, опустивших мечи. Этого мига хватило его противнику: стремительным, отточенным движением он выбил оружие из рук оппонента. Так определился последний победитель первого раунда финального тура.

Наступила короткая передышка. Пока измождённые бойцы восстанавливали дыхание и копили силы для следующего испытания, распорядитель игр в окружении помощников вновь провёл жеребьёвку. Судьба распорядилась так, что Ардэн оказался в паре с Магнешем, а Одаш стал соперником последнего из четвёрки победителей. Казалось, сами боги решили оставить самое захватывающее зрелище на финал:

предстояла решающая схватка между двумя братьями — поистине грандиозное событие, достойное легенд.

Анна, сердце которой трепетало от смешанного чувства волнения и тревоги, наблюдала, как мужчины с непоколебимой уверенностью выходили на арену. Она заметила, как Ардэн незаметно приблизился к старшему мензину и что-то тихо произнёс. Может быть, это были последние наставления учителя своему ученику? Одаш едва заметно кивнул и занял позицию напротив соперника.

Мужчины замерли, всматриваясь друг в друга. Их взгляды, острые как клинки, оценивали силу противника, просчитывали возможные ходы, взвешивали шансы на победу. Мысленно они уже вели бой — пока лишь в уме, но с той же сосредоточенностью, что и на арене.

Взгляд Анны невольно переместился на пару Ардэн — Магнеш. Кто из них окажется сильнее? Магнеш, бесспорно, был искусен в обращении с мечом, его движения отличались изяществом и точностью. Но ему недоставало того глубинного опыта, той мудрости, что годами копил Ардэн. Анна не сомневалась: в настоящей битве воин без труда одолеет Магнеша.

Но ключевым словом было «настоящей». Избранная знала: на этот раз Ардэн уступит. Он сделает это намеренно — чтобы в решающий момент на арене сошлись два брата. Два претендента на трон. Два сына Повелителя.

Гром труб разорвал напряжённую тишину. Мужчины

вскинули мечи. Первый удар обрушил на соперника Одаш. Старший мензин с невозмутимой уверенностью отразил атаку. Они закружились в смертельном танце: удары сыпались один за другим, клинки звенели, встречаясь в воздухе.

Анна вновь перевела взгляд на Ардэна и Магнеша. Любимый сын Повелителя сражался изо всех сил, но его противник оказался достойным соперником. Ардэн парировал атаки с лёгкостью, почти небрежно, словно играясь. Его ответные удары были точны и расчётливы. На первый взгляд, исход поединка оставался неопределённым.

Но Анна знала правду: Ардэн сдерживался. Сдерживался изо всех сил.

Анна вновь обратила взор к своему господину. На арене кипел неистовый поединок: противник Одаша наседали с неукротимой яростью, словно бурный поток, стремящийся сокрушить скалу. Сын Повелителя пока лишь оборонялся — его движения были сдержанными, почти неторопливыми.

Сердце Анны сжалось в тревожном предчувствии. Неужели соперник окажется сильнее? Но едва эта мысль промелькнула в её сознании, девушка осознала: Одаш лишь выжидает. Он словно хищник в засаде — спокойный, расчётливый, сберегающий силы. А его противник, ослеплённый напором, уже начал выдыхаться.

И вот настал миг, которого ждал мензин. Соперник, уверовав в скорую победу, допустил роковую ошибку — расслабился. В тот же миг Одаш преобразился. Его меч запел гроз-

ную песнь битвы: удары стали мощными, чёткими, неотвратимыми. Противник, истративший силы в бесплодных атаках, не смог устоять. Последний взмах клинка — и победа была решена.

Краем глаза Анна уловила мимолетный взгляд Ардэна, брошенный на старшего мензина. В следующее мгновение воина будто невзначай ослабил защиту — и Магнеш, не упустив шанса, выбил оружие из его рук.

Победа младшего сына Повелителя выглядела столь очевидной, что вызывала недоумение. Магнеш, тяжело дыша, вглядывался в невозмутимого Ардэна, пытаясь разгадать тайну его поражения. В его взгляде читались подозрения: как мог опытный воин допустить столь грубую ошибку?

Ардэн, склонившись в почтительном поклоне, что-то произнёс — вероятно, поздравил победителя. Магнеш лишь кивнул в ответ, а мужчина, развернувшись, направился к выходу. На мгновение его взгляд скользнул к трибунам, где стояла Анна. Девушка едва заметно склонила голову, и Ардэн, не выдав своих чувств, продолжил путь.

Соперник Одаша также покинул арену. Остались лишь двое — два брата, два победителя, два сына Повелителя. Их взгляды скрестились, словно клинки, — напряжённые, полные невысказанных слов. Ни один из них не догадывался, что в этот миг их мысли были едины, и в этих мыслях жила одна и та же девушка.

Громкий голос глашатая разорвал напряжённую тишину:

— Второй раунд завершён! Победители определены! Третий, решающий раунд начнётся после короткого перерыва!

Мужчины покинули арену. Анна откинулась на спинку кресла, пытаясь унять волнение.

— Не иначе боги на нашей стороне, — тихо произнесла Нина, сидящая рядом. Её слова словно эхом отозвались в мыслях избранной. — Такой финал... Такая интрига... Лучше и придумать нельзя было.

Анна лишь усмехнулась в ответ, но в душе согласилась с подругой. Она окинула взглядом бурлящую толпу. Зрители были охвачены азартом — никто не ожидал столь неожиданного поворота. История творилась прямо на их глазах, но они даже не подозревали об истинной глубине происходящего.

Жаль, что Повелитель покинул их, уведя с собой весь Совет. Одашу предстояла самая важная битва дня. Анна не знала, чем она завершится. Ардэн тщательно подготовил старшего мензина, но младший сын Повелителя с детства постигал искусство боя и владел куда большим опытом. И всё же, как ни парадоксально, Анна разделяла мнение Нины: даже если Одаш проиграет в финальной схватке, он уже сделал всё, что от него требовалось.

Вскоре вновь зазвучали трубы, возвещая о начале решающего раунда. Не в силах усидеть на месте, Анна поднялась и подошла к краю трибун, жадно вглядываясь в арену. За спиной раздался ехидный смех старшей наложницы. Бильши-

яр, несомненно, насмеялась над взволнованной девушкой, свято веря в победу своего любимца. То, что Одаш дошёл до финала, явно уязвляло её самолюбие, но в превосходстве Магнеша она не сомневалась. Глупая женщина не осознавала, что даже такой исход мог разрушить все её замыслы.

Братья вышли на арену и встали друг против друга. Помощник организатора, почтительно склонившись, перечислил правила поединка — что дозволено, а что под запретом. Оба мензина внимали ему, не отрывая взглядов друг от друга.

Последние слова были произнесены. Помощник обратился к Одашу, что-то уточнил — и старший мензин утвердительно кивнул. То же повторилось с Магнешем. Мужчина в последний раз склонил голову и поспешил покинуть место схватки.

Толпа замерла в напряжённом ожидании. По итогам предыдущих поединков Магнеш и Одаш сравнивали счёт — этот бой должен был расставить все точки над «i». От его исхода зависело, кто станет победителем Турнира.

Трубы взревели вновь — и мечи со звоном скрестились.

Одаш отступил — впервые за весь поединок. Каждый удар Магнеша обрушивался с неумолимой силой, словно молот кузнеца, бьющий по раскалённому железу. Младший брат оказался куда опаснее всех прежних соперников: его клинок сверкал в воздухе с пугающей лёгкостью, а движения оставались чёткими, несмотря на изнурительный день.

Одаш чувствовал, как предательски дрожат уставшие руки, как пот струится по вискам и спине, как подкашиваются колени. Бодрость Магнеша, его непоколебимая энергия действовали на старшего брата словно яд — мешали сосредоточиться, сбивали ритм боя.

Удар. Ещё один. И ещё. Одаш едва успевал уклоняться, парировать, отступать. Пот застилал глаза, превращая арену в размытое пятно. Очередной молниеносный выпад — и Одаш рухнул на колено, едва удерживаясь на грани падения. Силы иссякли. Вся подготовка, все тренировки оказались бессильны перед опытом и неукротимой волей младшего брата.

Один точный удар — и победа достанется Магнешу. Одаш, тяжело дыша, приготовился принять очередное поражение. Но младший брат не спешил довершить дело. Толпа зароптала, не понимая, почему победитель медлит.

— Знаешь, брат, — вдруг произнёс Магнеш, и его голос, непривычно тихий, прорвался сквозь гул толпы, — эта борьба никогда не была мне нужна. Я не врал, когда говорил, что не хочу занимать твоё место. Но всё давно решено за нас. Я просто плыл по течению. Все считают меня истинным наследником. Поверь, я не желал этого.

Магнеш шагнул вперёд и остановился рядом с коленопреклонённым братом. Меч его безвольно опустился, поза утратила боевое напряжение. Он знал — победа уже в его руках. Но ему было важно сказать то, что копилось в душе.

Одаш по-прежнему стоял на колене, обеими руками сжимая рукоять меча, вонзённого в землю. Ещё минута — и Магнешу присудят победу.

— Я никогда не хотел занять твоё место и не желал тебе вреда, — повторил Магнеш.

— К чему эти разговоры... брат? — выдохнул Одаш.

— Я хочу быть с тобой честным, — просто ответил Магнеш. — Прости, брат, но я не смогу сдержать данного тебе слова.

Губы Одаша искривила горькая усмешка. Он и не рассчитывал на обещания младшего брата. Возможно, Магнеш действительно не жаждал этой борьбы — но выбора ему не оставили. Всё было решено задолго до этого дня. И эта тщетная попытка изменить судьбу вдруг показалась Одашу до боли наивной.

— Я не стремлюсь к власти, — внезапно резко произнёс Магнеш, заставив старшего брата вздрогнуть. — Сегодня на Турнире ты доказал, что совсем не такой, каким тебя видят остальные. Всё это можешь оставить себе. Но единственное, чего я не могу тебе отдать, — это её любовь.

Одаш замер, не веря своим ушам. Медленно подняв голову, он взгляделся в лицо брата. Магнеш смотрел в сторону — туда, где у края трибун застыла одинокая фигурка. Анна, прижав ладони к груди, с тревогой наблюдала за братьями, даже не подозревая о их разговоре.

В тот же миг всё внутри Одаша вскипело от яростного,

ослепляющего чувства. Кровь застучала в висках, а в груди разгорелся огонь, способный сжечь любые сомнения. Взгляд его метнулся от Анны к брату — и в этом мгновении он понял: истинная битва только начинается.

Рык, похожий на вопль раненого зверя, вырвался из груди Одаша. В этом звуке слились воедино боль, гнев и упрямая решимость. Собрав последние крохи сил, он резко выпрямился — словно стальная пружина, годами сдерживаемая тяжестью обид и несправедливости, наконец-то распрямилась.

Замахнулся мечом — и клинок засвистел в воздухе, несясь к Магнешу с неумолимой силой. Младший брат едва успел отскочить, едва успел поднять оружие в отчаянной защите. В его глазах мелькнуло изумление: откуда в измученном, почти поверженном старшем брате вдруг вспыхнул этот неистовый огонь?

Одаш не давал передышки. Удар за ударом, без паузы, без намёка на усталость — лишь стальная воля, облечённая в звон клинков. Мечи сталкивались с оглушительным лязгом, высекая искры, будто два небесных светила, столкнувшиеся в небесах. Каждая вспышка озаряла лица братьев: одно — искажённое гневом, другое — всё ещё не верящее в перемену хода битвы.

— Я много терпел от вашей семейки, — прошипел Одаш, и слова его, острые как лезвие, вонзались в тишину между ударами. — Многое позволили забрать у себя. Но её ты ни-

когда не получишь!

Очередной удар — и мечи скрестились, замерли в немой схватке. Братья стояли лицом к лицу, глаза в глаза, дыхание смешалось, а в зрачках отражалась буря невысказанных лет.

Толпа, до того шумевшая и роптавшая, теперь замерла в зачарованном молчании. Даже ветер, казалось, притих, боясь нарушить этот миг, когда судьба — или, быть может, сама история — колебалась на острие клинка.

В это же время в большом зале совета, за высокими резными дверями, куда не доносился гул арены, восседал на троне Повелитель Аркахаллы — Джихиньяр Баладжар. Его фигура, окутанная тяжёлыми тканями и блеском регалий, казалась незыблемой, как скала, но в глазах таилась напряжённость, которую не скрывали даже многолетние привычки властелина.

Совет был в сборе. Лица — знакомые, годами проверенные, но сегодня между ними витало нечто новое: ожидание. Формально собрание носило традиционный характер: все важные решения приняты, срочных вопросов нет. Так думали наивные. Те же, кто знал Повелителя дольше и глубже, чувствовали: сегодня он скажет нечто, что изменит всё.

Секретарь монотонно зачитывал пункты повестки. Мелочные дела, рутина: одобрить предложение советника, решить вопрос с продовольствием для затерянной на границе деревушки. Всё это звучало как прелюдия — долгая, наро-

чито спокойная, чтобы резче прозвучало главное.

И вот, когда казалось, что заседание близится к завершению, Джихиньяр Баладжар поднял руку. Один жест — и зал стих. Даже шелест мантий прекратился, словно воздух сгустился от напряжения.

— Уважаемый совет, — голос Повелителя, негромкий, но пронизывающий, разнёсся по залу, — сегодня я хочу внести на ваш суд предложение, касающееся истинного наследника Аркахаллы. Я желаю, чтобы после меня трон занял мой младший сын — Магнеш Баладжар.

На мгновение воцарилась мёртвая тишина — та самая пауза, когда мир замирает перед бурей. А затем зал взорвался: гомон одобрения слился с яростными возгласами протеста.

Сторонники Повелителя и его старшей наложницы вскинули руки, выкрикивая, что это единственно верное решение, что так и должно было быть с самого начала. Их голоса звучали уверенно, почти торжествующе.

Но напротив, в тени колонн, те, кто стоял за махирад Садише, отвечали не менее горячо. Их аргументы были крепки: традиции, закон, право первородства. Одаш — первенец от законной жены, и только он по всем устоям достоин трона.

Шум нарастал, превращаясь в хаотичный хор противоречий. И тогда вперёд выступил айшир Анаташ.

Седобородый старец, чья борода ниспадала на грудь, словно серебряный поток времени, двигался неторопливо, с достоинством, которое не нуждалось в словах. Один его вид —

и зал снова стих. Даже самые горячие головы умолкли, почувствовав вес его присутствия.

— Это очень серьёзное решение, Повелитель, — произнёс Анаташ, и голос его, мягкий, но непреклонный, наполнил пространство. — Оно должно быть обосновано. По всем традициям и устоям вашим наследником считается ваш первенец от законной жены — мензин Одаш Баладжар. Чтобы изменить это, нужны веские доводы.

Он замолчал, но тишина, последовавшая за его словами, была громче любого возгласа. В ней читался вопрос, который никто осмеливался произнести вслух: *Что же вы скажете в ответ, Повелитель?*

В зале повисла тяжёлая тишина — та особая, что рождается, когда слова первого советника пронзают собравшихся, словно ледяной клинок. Никто не осмелился перечить ай-ширу Анаташу. В его речах звучала не просто правота — в них отзывалась сама суть древних законов Аркахаллы, перед которыми склонялись даже властелины.

Джихиньяр Баладжар сдержанно кивнул, принимая слова старца. В глубине души он понимал: это лишь дань уважения многовековым устоям. Всем и так было ясно — Одаш не годится на роль наследника. И всё же... Повелитель невольно встряхнул головой, отгоняя назойливую мысль. Сегодня старший сын явил себя в новом свете, удивил даже отца. Но что с того? Всё давно решено. Точка.

— Ни для кого не секрет, — голос Джихиньяра наполнил

зал, твёрдый и бесстрастный, — что мой старший сын слаб и не способен к управлению страной. Магнеш же — достойный молодой человек. В нём есть зачатки истинного предводителя. Он умён, и люди уже идут за ним. Сегодня вы все видели, на что способен мой сын.

Айшир Анаташ неспешно кивал, поглаживая серебряную бороду. Взгляд его казался рассеянным, будто мысли витали где-то вдали от этих стен. Казалось, он и вовсе не слышит слов Повелителя. Но едва Джихиньяр замолчал, старец тут же взял слово — плавно, без суеты, но с той непреклонной уверенностью, что присуща лишь тем, кто ведает истинную цену слов.

— Вы, несомненно, правы, Повелитель. Магнеш — достойный молодой человек, и сегодня мы в очередной раз убедились в этом, — в зале тут же вспыхнул недовольный гомон сторонников Садише Баладжар, но Анаташ продолжил, не повышая голоса, и шум мгновенно стих: — Однако сегодня мы также увидели, на что способен и мензин Одаш. В тот миг, когда мы покинули Турнир, оба молодых господина были на одном уровне. Мензин Одаш ни в чём не уступал мензину Магнешу — к всеобщему удивлению. Так почему же мы должны принять сторону Магнеша Баладжара, когда все наши законы велят нам встать на сторону старшего из ваших сыновей?

Джихиньяр Баладжар онемел. Он не ожидал такого поворота — не ожидал, что сам Анаташ встанет на защиту Ода-

ша. Даже верные приспешники Повелителя и Бильшияр замерли в недоумении, не находя слов.

— Не поймите меня неправильно, господин, — продолжил айшир, и в его голосе звучала мягкая, но несокрушимая твёрдость. — Я ничуть не умаляю способностей и умений господина Магнеша. Но не буду кривить душой: сегодня мензин Одаш выступил не хуже своего брата. Смею напомнить, что я всего лишь страж традиций Аркахаллы — и лишь напоминаю всем об этом.

Анаташ склонил седую голову, скрывая в густой бороде едва уловимую усмешку. Старый мудрец знал: каждое слово должно упасть в нужную почву, чтобы прорасти нужным образом. И реакция последовала незамедлительно.

— Но где же все эти достоинства старшего мензина прятались до сегодняшнего дня?! — резкий возглас разорвал напряжённую тишину. Один из советников — ярый сторонник Джихиньяра и Бильшияр — сощурил глаза, бросая вызов. — Почему он никогда прежде не показывал их? Почему не являлся на совет, членом которого является с восемнадцати лет?

— Жаль, что у вас, айшир Самстер, провалы в памяти, — отозвался брат Садише, и в его голосе звенела ледяная учтивость, от которой по залу пробежал едва уловимый холодок. — Ну что ж, напомним: до недавнего времени мензин Одаш пребывал в дальнем дворце — по прямому приказу нашего светлейшего Повелителя. Если вам так не терпелось узреть

его возможности, отчего же вы не навестили его там? Быть может, тогда и узрели бы всё, чего столь жаждете.

Он сделал паузу, обводя взглядом собравшихся, и продолжил — уже мягче, но с несокрушимой уверенностью:

— Я же вижу перед собой достойного молодого человека, преданного своему отцу и Повелителю. Он ни разу не посмел ослушаться приказа господина — несмотря ни на что. А вот мензин Магнеш... не раз выказывал своё неуважение.

И это была чистая правда — хоть прежде её и не замечали. Магнеш, любимец родителей, порой позволял себе лёгкое непослушание, шёл наперекор воле отца. Ничего серьёзного, разумеется: пустяковые выходки, на которые все привыкли смотреть сквозь пальцы, считая их невинной шалостью. Никто и подумать не мог, что однажды эти «пустяки» обернутся острым клинком в руках искусного спорщика.

Зал взорвался. Советники повскакивали с мест, перекрывая друг друга криками, размахивая руками, тыча пальцами в оппонентов. Каждый рвался доказать, что именно его избранник достоин трона — и доводы летели, как стрелы в битве: резкие, колючие, порой откровенно ядовитые.

Повелитель, нахмутив брови, наблюдал за этим хаосом. В глазах его читалась холодная ярость — и тень сомнения. Он знал: его решение не придётся по вкусу сторонникам матери. Но такого яростного отпора не ожидал.

Возможно, виной тому — сегодняшнее выступление Одаша. Или же дело в другом: именно по приказу Джихиньяра

старший сын был отлучён от дворца, лишён должного обучения, оставлен в тени. И теперь советники, верные памяти покойного Повелителя и Садише Баладжар, не собирались спускать это с рук. Они не раз требовали вернуть Одаша, но Джихиньяр, подстрекаемый Бильшияр, стоял на своём.

Теперь он пожинал плоды своего упорства. Кто бы мог подумать, что эти «вредные старики» ухватятся за малейшую трещинку в его аргументах — и развернут её в широкую брешь?

Шум нарастал. Голоса становились всё резче, слова — всё острее. Джихиньяр чувствовал, как внутри него закипает гнев. Он уже не раз проклял тот день, когда решил оставить правило выбора наследника неизменным — таким, каким оно было при его отце, при деде.

Крики достигли апогея. Терпение Повелителя лопнуло.

Он резко поднялся, и зал мгновенно стих — будто кто-то задул пламя бурного костра.

— Хватит! — голос его, твёрдый и властный, разнёсся по залу, как удар молота. — Я — Повелитель. И я принял решение. Магнеш станет моим истинным наследником и займёт трон после моей смерти.

Недовольное сопение прокатилось по рядам, но тут же потонуло в победных улыбках сторонников новой власти. Они ликовали, предвкушая триумф, но торжество их было недолгим.

Слово вновь взял айшир Анаташ — тихо, почти вкрадчи-

во, но с той непоколебимой мудростью, что всегда заставляла прислушиваться.

— Простите, мой Повелитель, — он склонил седую голову, словно извиняясь, но в глазах его светилась непокорная искра. — Но вы не вправе принимать такое решение единолично. Вы сами когда-то настояли на этом праве советников.

Джихиньяр метнул на старика яростный взгляд — но спорить не стал. Он знал: Анаташ прав. Полностью. Бесповоротно.

Повелитель медленно опустился на трон, чувствуя, как тяжесть короны вдруг стала невыносимой.

— Прошу всех успокоиться и последовать древним правилам, хранителями которых мы все с вами являемся, — возвысил голос айшир Анаташ, и в его тоне звучала непоколебимая твёрдость, способная укротить даже самый яростный шквал эмоций.

Он выдержал паузу, обводя взглядом зал, где каждый советник замер в напряжённом ожидании, и продолжил:

— С разрешения светлейшего Повелителя я выношу на голосование совета следующий вопрос: оставить титул истинного наследника первенцу Повелителя Джихиньяра Баладжара от законной жены Айдан Баладжар — мензину Одашу Баладжару?

Как и ожидалось, половина совета тут же вскинула руки. Анаташ кивнул главному секретарю — тот склонился над пергаментом, быстро фиксируя результаты. Когда дело было

сделано, советник продолжил, и голос его, спокойный и размеренный, вновь наполнил зал:

— Присвоить титул истинного наследника младшему сыну Повелителя Джихиньяра Баладжара и его старшей наложницы Бильшияр — мензину Магнешу Баладжару?

И снова лишь половина советников подняла руки. Голоса разделились поровну. Джихиньяр нахмурил брови — единогласного решения не последовало. В зале повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь едва уловимым шелестом мантей.

— Что ж, — откашлялся Анаташ, и в его глазах мелькнул едва уловимый лукавый блеск, — тогда я предлагаю следующее решение. Дождёмся окончания Турнира. Посмотрим, кто окажется победителем, — и тогда примем решение.

Совет вновь замер — на этот раз в изумлении. Предложение звучало... неожиданно. Почти абсурдно. Неужели какой-то Турнир может стать мерилom для столь судьбоносного выбора?

Но едва недовольный гул начал нарастать, слова айшира словно ледяной ветер остудили пыл собравшихся. Голоса стихли. Джихиньяр бросил взгляд на своего верного советника и не смог сдержать улыбки. «Вот старый хитрец, — подумал он. — Сделал так, чтобы у советников не осталось иного выбора, кроме как принять его... пусть и нелепое, но единственно возможное предложение».

Повелитель откинулся на спинку высокого трона, рассла-

бившись. Он был абсолютно уверен в победе младшего сына. Поэтому безропотно принял предложение первого советника.

Слуги бесшумно скользнули по залу, разнося бокалы с вином — дабы скрасить томительное ожидание. Тут и там вспыхивали тихие разговоры, но тема их была едина: все обсуждали решение Повелителя, бросали косые взгляды на оппонентов, сдерживая рвущееся наружу недовольство.

Джихиньяр медленно смаковал сладкий, ароматный напиток, наблюдая за советом. В душе его тлела досада: будь его воля, он давно разогнал бы половину этих людей. Но увы — у каждого за спиной стояла немаленькая армия. По отдельности они не значили ничего, но вместе могли стать серьёзной угрозой. Потому Повелитель терпел, лавировал, делал всё, чтобы обе стороны оставались довольны.

Наконец до ушей собравшихся донёсся трубный глас — долгий, торжественный, возвещающий об окончании Турнира и выборе победителя. Члены совета мгновенно оживились. Слуги тенью прошли по рядам, собирая опустошённые кубки, но советники едва ли заметили это — все взгляды были прикованы к массивным дверям.

По традиции победитель Турнира обязан предстать перед Повелителем. Но поскольку Джихиньяр покинул арену до завершения последнего состязания, организаторам был дан чёткий приказ: привести победителя прямо в зал совета. Повелитель уже мысленно представлял, как объявит Магнеша

своим истинным наследником — торжественно, при всех, закрепив тем самым своё решение.

Спустя несколько мгновений за дверями раздались шаги: одни — быстрые, порывистые; другие — уверенные, твёрдые. Джихиньяр довольно улыбнулся. «Это точно Магнеш, — подумал он. — Одаш так ходить не умеет».

Движения старшего сына всегда были тихими, медлительными, будто он боялся нарушить покой мира одним неосторожным жестом. Казалось, Одаш страшился всего и вся. И потому Повелитель испытывал глубокое удовлетворение: сейчас он наконец исполнит свою мечту — младший сын официально станет его наследником.

В воображении Джихиньяра уже рисовалась картина: Бильшияр, сияющая от радости, прижимается к его плечу, а Магнеш, гордый и величественный, принимает знаки почёта. Сердце Повелителя замерло в предвкушении.

Двери распахнулись — и в проём скользнул организатор Турнира. Он торопливо прошёл к центру зала, низко склонившись перед Повелителем. Тучный мужчина в тяжёлых, богато расшитых одеждах буквально истекал потом: капли блестели на лбу, катились по вискам, оставляли тёмные пятна на воротнике. Джихиньяр невольно поморщился — зрелище было ему неприятно.

Организатор, заметив гримасу Повелителя, занервничал ещё сильнее. Его пальцы судорожно сжали край рукава, будто искали опору.

— О светлейший, позволь сообщить, что ежегодный Турнир самых сильнейших из мужей завершился, — произнёс он, вновь склоняясь в почтительном поклоне.

— Ну же, назови нам имя! — нетерпеливо выкрикнул кто-то из советников, не сдержав волнения.

Джихиньяр даже не нахмурился. Напротив — на его губах промелькнула насмешливая улыбка. Он словно наслаждался этой маленькой драмой, наблюдая за метаниями организатора.

А тот, будто под тяжестью всех взглядов, задрожал ещё сильнее. Из длинного рукава показался платок — когда-то белый, а теперь сероватый от времени и частых стирок. Трясущейся рукой мужчина провёл по мокрому лбу, но тут же, спохватившись, спрятал платок обратно и снова поклонился — словно это могло сгладить его неловкость.

— Позвольте представить вам победителя Турнира — мензина... Одаша Баладжара! — наконец громко, почти торжественно провозгласил он.

Двери открылись вновь — и в зал шагнул Одаш.

Джихиньяр резко поднялся на ноги. В его глазах читалось неподдельное изумление. Почти весь совет замер в оцепенении, не веря своим глазам. Никто не мог отвести взгляда от молодого мужчины, стоящего посреди зала. И лишь один человек — седобородый айшир Анаташ — скрывал в уголках губ довольную улыбку, а в глазах его мерцал хитрый, почти озорной блеск.

Джихиньяр вглядывался в сына, словно пытался разглядеть в нём незнакомца. Внешне это был всё тот же Одаш — но что-то неуловимо изменилось. Теперь перед ним стоял не робкий юноша, боязливо прячущий взгляд, а мужчина с гордой осанкой, с прямым, твёрдым взглядом карих глаз. Куда исчезла та неуверенность, то вечное колебание, что так раздражали Повелителя? Рука Одаша покоилась на рукояти меча, прикреплённого к ремню, — и ни у кого не возникло и тени сомнения, что он умеет владеть им.

Повелитель едва сдержал нервную дрожь, встретившись с сыном взглядом. Мгновение они смотрели друг другу в глаза — и в этом молчании схлестнулись годы недопонимания, обид, невысказанных слов. Джихиньяр почувствовал, как во рту разливается горькая сухость, и первым отвёл взгляд.

Одаш, следуя древним традициям, опустил на одно колено, склонив голову в знак почтения.

Когда церемония завершилась и победитель Турнира покинул зал, совет вновь вернулся к незакрытому вопросу. Впереди, неспешно и с достоинством, выступил айшир Анаш.

— Я думаю, мы только что получили ответ на наш вопрос, — произнёс он, и голос его, спокойный и веский, наполнил зал.

Первый советник медленно обвёл взглядом всех присутствующих — каждого, кто ещё недавно спорил, кричал, отстаивал свою правду.

— От имени совета я отклоняю предложение Джихинья-ра Баладжара, Повелителя Аркахаллы, назначить истинным наследником мензина Магнеша Баладжара. Титул остаётся за мензином Одашем Баладжаром. Решение принято. Совет закрыт.

Махирад Садеше Баладжар стояла в прохладной тени раскидистого дерева, наблюдая за пташками, что, словно брызги солнечного света, порхали среди ветвей. Их беззаботный щебет и резкие взлёты напоминали ей о чём-то давно утраченном — о лёгкости, о свободе, которой она сама давно не знала.

Турнир закончился. И закончился *так*, как она едва смела надеяться.

До последних мгновений Садеше не верила, что это возможно. Но в тот миг, когда всё, казалось, уже было решено, её старший внук — Одаш — буквально вырвал победу из рук брата. Невероятно. Неожиданно. И... как нельзя вовремя.

В памяти вспыхнуло лицо Бильшияр — покрасневшее от гнева, искажённое бессильной яростью, когда остриё меча Одаша замер у горла её любимого сына. Губы махирад невольно растянулись в тихой, почти ласковой улыбке. О, какое это было наслаждение — видеть, как старшая наложница, схватив дочь за руку, почти волоком утащила её прочь с арены. А девочка сопротивлялась, оглядывалась, её глаза были полны слёз и недоумения...

Лёгкий ветерок всколыхнул волосы Садише, а листва над головой зашелестела, будто вторя её мыслям. Скоро начнётся большой пир. Женщины гарема будут показывать свои таланты — и среди них её внучка, и избранница Одаша. Вечер обещает быть... интригующим.

По-хорошему, ей уже следовало отправиться в покои, готовиться. Но махирад намеренно задержалась здесь, намеренно выбрала эту дорогу, ведущую от арены к дворцу. Чуть правее находилось главное административное здание, где сейчас решалась судьба престола.

Она знала: сегодня Повелитель вынесет на совет имя претендента на титул истинного наследника. И в её планах было вмешаться — даже ценой крови, если потребуется. Но события дня показали: её вмешательство не понадобилось. Победа Одаша сама по себе рушила замыслы Джихиньяра. А если что-то пойдёт не так — она всегда успеет вмешаться.

Наконец двери зала совета распахнулись. Члены совета выходили один за другим — растерянные, молчаливые. По их лицам невозможно было понять, к какому решению они пришли.

Садише вновь обратила взгляд к птицам, всем своим видом демонстрируя полное равнодушие к проходящим мимо мужчинам.

— Светлейшая, — раздался рядом знакомый голос.

Она обернулась. Перед ней стоял её брат.

— Приветствую тебя, брат мой, — мягко произнесла Са-

дише. — Сегодня поистине замечательный день, не так ли?

— Это так, махирад, — склонил голову мужчина. Он знал, что именно она хочет услышать, и поспешил добавить: — Решением совета титул истинного наследника оставлен за старшим мензином — Одашем Баладжаром.

Улыбка тронула губы Садише. Хорошая новость. Очень хорошая.

Её взгляд скользнул к дверям совета. Из них как раз выходили айшир Анаташ и сам Повелитель.

Джихиньяр Баладжар выглядел одновременно недовольным и задумчивым. Не проронив ни слова, он быстро удалился в сопровождении охраны и слуг. А вот старый советник задержался.

Даже на расстоянии Садише разглядела на его лице улыбку. Анаташ поглаживал бороду, смотрел на солнце, уже клонившееся к закату, а потом вдруг резко повернул голову в противоположную от неё сторону и склонил её, будто приветствуя кого-то невидимого.

Махирад проследила за его взглядом — но никого не увидела. Странно.

Айшир Анаташ развернулся и, удивительно легко для своих лет, зашагал прочь по дорожке. Проходя мимо Садише, он вежливо поклонился.

Получив всё, что хотела знать, махирад направилась к гарему.

Анна затаилась в прохладной тени мраморной колонны, едва различимая в полумраке галереи. Перед ней, чуть поодаль, стояла махирад Садише Баладжар — величественная, словно изваяние из чёрного оникса. Анна была уверена: женщина пришла сюда с той же целью, что и она сама — узнать, чем завершился совет.

И судя по лицу айшира Анаташа — тот, в отличие от махирад, сразу заметил Анну, — всё прошло наилучшим образом. На губах девушки невольно расцвела тихая улыбка. *Прекрасно.*

Садише Баладжар удалилась в сопровождении брата. Анна проводила их взглядом, пока фигуры не растворились в лабиринте дворцовых переходов.

— Идём в комнату. Нам нужно подготовиться к представлению, — произнесла она ровным голосом.

Двое верных спутников — хмурый вакхалиец и темноволосая аркахаллонка — молча последовали за госпожой.

Большой пир развернулся во всём великолепии. Столы ломились от яств: румяные пироги с дичью, дымящиеся куски барашка, горы фруктов, сладости, источающие медовый аромат. Вино лилось рекой, наполняя чаши с мелодичным звоном.

В воздухе плыла музыка — нежные переливы струн, трепетные трели флейт. Девушки из гарема, словно разноцветные мотыльки, порхали между гостями, даря песни и танцы.

Их движения были плавны, взгляды — томны, улыбки — обворожительны.

Участники Турнира присутствовали в полном составе. Пятеро лучших удостоились чести сидеть рядом с семьёй Повелителя и членами совета. В их честь гремели тосты, звучали хвалебные речи, восхвалялись сила и доблесть.

Особое внимание, конечно же, приковывал Одаш Баладжар. Те, кто ещё утром смотрели на него с пренебрежением, теперь лебезили, расточали улыбки, пытались поймать его взгляд. Впервые старший мензин ощущал на себе тяжесть титула — и бремя внимания, которое тот приносил.

Одаш сидел, сохраняя на лице маску спокойного достоинства, но внутри него клокотала горечь. *Как же всё это гадко*, — думал он, наблюдая за лицемерными улыбками и льстивыми поклонами.

Он понимал: сейчас ему необходимо окружить себя людьми, которые станут опорой в будущем. Но душа его рвалась прочь от этого блеска, от этих пустых речей. Ему хотелось бросить всё, схватить Анну в объятия и укрыться в тишине пустых покоев. Хотелось просто *отдохнуть* после дня, переполненного эмоциями.

Но судьба не дала ему такой возможности. Сразу после Турнира его повели на совет к Повелителю, а Анну забрали на подготовку к празднеству. Они так и не успели обменяться ни словом, ни взглядом.

Мимо Одаша скользнула молоденькая девушка в зелёном

одеянии. Покровы на её голове гармонировали с платьем, а движения были исполнены нарочитой грации. Она склонилась перед мензином, предлагая наполнить его кубок сладким вином.

Её поза была продумана до мелочей: наклон головы, изгиб спины, лёгкий взмах ресниц. Она старалась выставить свои прелести в самом выгодном свете, надеясь пленить внимание знатного гостя.

Одаш мельком взглянул на неё. *Хороша*, — признал он. Но до Анны ей было так же далеко, как звезде до земли. Он улыбнулся разочарованной девушке и отвернулся.

Если бы покров позволил увидеть её лицо, Одаш заметил бы, как угасла её улыбка. Но девушка не пала духом — тут же переключилась на другого гостя, вновь излучая очарование.

Взгляд Одаша невольно скользнул к младшему брату. В памяти вспыхнули слова, произнесённые на арене: *«Единственное, чего я не могу тебе отдать, — это её любовь»*.

В груди вскипела ярость. *Мало ему всеобщей любви и преклонения?* — думал Одаш. — *Решил забрать у меня самое важное — Анну?*

Он сжал кулаки под столом. *Никогда*. Лучше отказаться от вновь обрётённого титула, чем позволить Магнешу отнять у него женщину, которую он любит.

Пусть трон, пусть власть — всё это прах. Но Анна... Анна — это жизнь.

Магнеш почувствовал на себе взгляд — резкий, словно

укол. Он вскинул голову и встретился глазами со старшим братом.

Первое в жизни поражение... Он перенёс его с достоинством, хотя внутри всё кипело. Мать уже успела подойти — не для того, чтобы поддержать, а чтобы бросить в лицо упрёки. *«Слабак! Ты опозорил нас!»*

Но Магнеш понимал: её злил не сам проигрыш. Её разъедало другое — то, что Повелитель не смог отстоять своё решение на совете. Титул истинного наследника остался за Одашем.

А ещё... Анна.

Он обещал ей победу. И не выполнил обещания. Стыд жёг изнутри. *«Такой слабак ей не нужен»*, — думал он, глядя на брата. Одаш... Кто бы мог подумать, что он способен на такое? Нет, Магнеш был уверен: за этой внезапной силой стоял не только сам Одаш. За всем этим стояла Анна.

Мысли обоих мензинов оборвала внезапно прервавшаяся музыка. Все взгляды устремились к круглой площадке, где появилась единственная дочь Повелителя.

Тамиша была ослепительна в белом одеянии. Сегодня она отказалась от обилия украшений, которые обычно носила. В руках её мерцали большие белые веера. Она шагнула в центр площадки, замерла на мгновение, а затем медленно обвела взглядом зал.

Найдя старшего брата, она смущённо улыбнулась и тут же опустила глаза.

Снова зазвучала музыка — лёгкая, почти невесомая. Тамиша начала танец.

Каждое движение было отточено до совершенства. Видно было, что она потратила немало часов на репетиции. Её танец был нежным, воздушным, словно шёпот ветра. Странно, но он совсем не вязался с её обычным характером — дерзким, порывистым, порой даже резким.

Повелитель и его возлюбленная наблюдали за дочерью с родительской гордостью. На мгновение они забыли о поражении сына. Танец Тамиши принёс им умиротворение, заставил улыбнуться.

Когда музыка стихла, девушка поклонилась отцу, бросила ещё один взгляд на старшего брата... Но он уже не смотрел на неё. Одаш был увлечён разговором с племянником айши-ра Анаташа.

Тамиша досадливо тряхнула головой и покинула сцену. Её сменили другие девушки — они играли на музыкальных инструментах, наполняя зал переливчатыми мелодиями.

Время близилось к полуночи. Праздник медленно шёл к завершению.

Евнухи, уставшие и слегка встревоженные, переглядывались. Им предстояло развести по покоям гостей, разомлевших от вина и обильной трапезы.

Девушки из гарема продолжали развлекать собравшихся. Но несколько человек в этом зале ждали лишь одного вы-

ступления — выступления одной конкретной девушки.

Выступлений оставалось немного. И среди них было то самое.

Отлучившаяся было помощница Бильшияр скользнула обратно к госпоже и, склонившись, зашептала ей что-то на ухо. Наложница хмыкнула — в глазах её вспыхнул острый интерес. Она перевела взгляд на сцену.

Последняя группа девушек завершила выступление и, шурша шёлком, покинула площадку. На их место вышли двое: смуглокожий вакхалиец с длинными, свободно ниспадающими волосами и темноволосая аркахалонка. В руках мужчины — простая деревянная дудочка, казавшаяся почти нелепой рядом с его статной фигурой. Девушка держала древний барабан — народный инструмент этой страны, потрепанный, но звучащий, словно голос самой земли.

Мензины заметно оживились. Бильшияр, наблюдая за сыном, недовольно поджала губы.

И тогда на сцену вышла она.

Девушка в сером плаще.

Тишина взорвалась тихой, пронзительной мелодией: вакхалиец приложил дудочку к губам. Звук, чистый и нежный, заставил зал затаить дыхание. Чёрная ткань медленно сползла с плеч, легла у ног, обнажив наряд, от которого по залу пробежал шёпот.

Чёрный. Цвет траура. Никто прежде не осмеливался выйти в таком на придворный пир. Но этот наряд... он балан-

сировал на грани приличий. Лиф украшали чёрный бисер и серебристая вышивка — едва уловимый отблеск роскоши, смягчавший мрачность ткани. Покрой был смелым, подчёркивал каждый изгиб фигуры, будоражил воображение. Многие мужчины не скрывали жадного восхищения, скользая взглядами по её силуэту.

Анна начала танец.

Плавные, грациозные движения, словно волны, накатывали на зал. Она закрыла глаза, отдаваясь мелодии, которая то замирала, то вспыхивала с новой силой. Дудочка затихла — на мгновение повисла тишина, а затем барабан ударил, резко, властно. Ритм стал жёстче, быстрее, наполнился первобытной энергией.

В руках Анны вдруг блеснули кинжалы.

Стражи у края сцены напряглись. Кто-то даже рванулся вперёд, но она, взмахнув оружием, закружилась в вихре танца. Лезвия сверкали, словно молнии, но каждое движение было отточено, безопасно — это была часть представления. Стражи отступили, но не расслабились, следя за ней с напряжённой внимательностью.

А Анна танцевала.

Это был её победный танец. Не мольба, не просьба — вызов. Каждое движение, каждый удар кинжала по воздуху — как удар по тем, кто пытался унижить её, сломать, стереть в пыль. Она танцевала, представляя перед собой врага, нанося удары, которые не ранили тело, но разили гордость.

«Вы думали, я сдамся? — говорила её пластика. — Я не просто выживу. Я одержу победу».

Зал замер, очарованный. Даже те, кто прежде смотрел на неё с презрением, теперь не могли оторвать взгляда. В этом танце была сила — не грубая, не показная, а та, что рождается из глубины души, из веры в себя.

Бильшияр смотрела, не отрывая широко раскрытых глаз, — и в груди клокотала буря, для которой не нашлось слов.

Эта наглая девчонка... Она не просто танцевала — она *насмехалась*. Каждое движение, каждый взгляд, каждый взмах кинжала были полны дерзкого торжества, словно Анна швыряла в лицо старшей наложницы невидимые пощёчины.

Бильшияр резко повернула голову к Джихиньяру. Повелитель, подавшись вперёд, не моргая следил за представлением. Его лицо было непроницаемо, но в глазах горел нескрываемый интерес.

Затем она взглянула на сына.

Магнеш...

Её бедный мальчик был околдован. В его взгляде не было ни гнева, ни раздражения — лишь чистое, безоговорочное восхищение. Он смотрел на Анну так, как смотрят на божество: с благоговением, с восторгом, с беззащитной преданностью.

«Всё пропало», — с ледяной ясностью осознала Бильшияр.

Её замысел — настроить гарем против этой выскочки —

рухнул. Анна не просто выдержала удар. Она ответила — ярко, дерзко, опасно. Она показала, что не боится, что умеет сражаться, что может быть *угрозой*.

Бильшияр вздрогнула.

Остриё кинжала в руках Анны вдруг замерло, нацеленное прямо на неё. Ярко-синие глаза сверкнули насмешкой, превосходством, почти издевательством. Уголки губ, подкрашенных алой помадой, приподнялись в едва уловимой улыбке — той самой, от которой кровь стыла в жилах.

Старшая наложница сглотнула, но тут же взяла себя в руки. Ни один мускул на её лице не дрогнул. Она не покажет слабости. Не здесь. Не сейчас.

Анна танцевала.

Она больше не видела зала, не замечала взглядов, не слышала шёпота. Она растворилась в музыке, в ритме, в движении. Закрытые глаза, плавные изгибы тела, летящие руки — всё это было не просто танцем. Это было *высвобождением*.

Где-то на грани сознания она ощутила прикосновение — не физическое, а духовное. Чужие руки направляли её, подсказывали, вели. Она почувствовала запах леса, свежей травы, сена — тот самый, что остался на утопанной поляне за заброшенными конюшнями.

И она даже не догадывалась, что в этот самый миг сидящий неподалёку мужчина ощущал то же самое.

Музыка стихла.

Анна замерла. Медленно, словно пробуждаясь от сна, она опустила руки, склонила голову в поклоне — и, не глядя ни на кого, покинула зал.

Её верные помощники — Ферухе и Чоксо — молча последовали за ней.

— Госпожа, это было просто невероятно! — Ферухе прижала ладони к груди, глаза её сияли. — Вы... вы были как буря! Как пламя! Как...

Она запнулась, не найдя слов, но её восторг был красноречивее любых фраз. Эмоции захлёстывали Ферухе, бурлили, искали выхода — и не находили слов, достойных того, что она только что видела. Она и представить не могла, что выступление её госпожи произведёт *такой* эффект.

Вспомнить хотя бы лицо старшей наложницы — маска ледяного негодования, за которой бушевала ярость. А Повелитель? Даже он, всегда столь сдержанный, не смог оторвать взгляда от Анны. Ни присутствие возлюбленной Бильшияр, ни тяжесть короны — ничто не спасло его от этого завораживающего зрелища.

Что уж говорить об остальных мужчинах... Их взгляды, жадные, восхищённые, скользили по фигуре танцовщицы, словно пытались запомнить каждый изгиб, каждое движение.

А махирад Садише? Даже она, женщина, чья сдержанность граничила с неприступностью, не скрывала одобрения.

В её глазах, на мгновение, вспыхнул огонёк — не просто признания, но *уважения*.

Но за этим триумфом таилась опасность. Ферухе прекрасно понимала: завистливые глаза гарема уже прицениваются, ищут слабину. Теперь нужно держать ухо востро. Очень востро.

Не переставая делиться восторженными впечатлениями, Ферухе тем временем хлопотала — готовила всё необходимое для ночного отдыха госпожи. Они уже побывали в купальнях, и теперь Анна сидела перед зеркалом, задумчиво проводя гребнем по влажным волосам.

В отражении она следила за Ферухе, за её ловкими, привычными движениями. Мысли Анны текли плавно, перебирая яркие моменты дня.

Она вспоминала...

...как они с Одашем действовали как одна команда — не словами, не договорённостями, а *чувством*. Как каждый шаг, каждый взгляд поддерживали друг друга, вели к общей победе.

...как он смотрел на неё во время танца — не как на красавицу, не как на диковину, а как на *равную*. В его глазах она увидела не восхищение, а *узнавание*.

...слова Нины, сказанные когда-то тихо, почти шёпотом: «*Настоящая сила — не в том, чтобы победить. А в том, чтобы знать, когда и с кем разделить победу*».

Анна отложила гребень. Взгляд её стал твёрдым, реши-

тельным.

Ферухе закончила с постелью и уже протягивала простую ночную сорочку — ту, в которой Анна обычно спала. Но госпожа остановила её жестом.

— Ферухе, сегодня я буду ночевать в покоях мензина, — произнесла она спокойно, но так, что в голосе звенела непреклонная уверенность.

Аркахалонка замерла, всё ещё держа сорочку в руках. Её глаза широко раскрылись — не от удивления, а от осознания *важности* этого решения. Она вопросительно взглянула на госпожу, словно пытаясь прочесть в её лице подтверждение: «Я правильно поняла?»

Анна кивнула. Чётко, без колебаний.

Мензин Одаш лежал в постели, уставившись в темноту, — сон не шёл. Казалось бы, мысли должны были кружиться вокруг победы в Турнире, вокруг долгожданного признания его наследником. Но стоило ему прикрыть глаза, как перед внутренним взором вновь и вновь возникала *она* — его избранная.

В зале он едва сдерживал себя. В груди бушевала двойственная жажда: сжать её в объятиях, осыпать поцелуями — и одновременно спрятать, заслонить от алчных, голодных взглядов, которыми её пожирали эти мужчины. Каждый из них смотрел на Анну так, словно она была не женщиной, а драгоценностью, которую хотелось присвоить.

Одаш тихо застонал и перевернулся на другой бок. В этот миг дверь едва слышно скрипнула, приоткрываясь.

Мгновенно — словно по звонку боевой тревоги — его рука нырнула под подушку, нащупала холодную рукоять кинжала. Пальцы сжались на металле. Все чувства обострились до предела. Он был готов к нападению.

Конечно. Отец или его наложница не могли оставить меня в покое.

Шаги — лёгкие, почти невесомые. Кто-то замер у края постели. Одаш резко сел, вскинув оружие... и замер, ослеплённый неожиданным видением.

Перед ним стояла Анна.

— Я сплю? — прошептал он хрипло, не веря своим глазам.

Она улыбнулась — мягко, почти нежно.

— Нет, мой господин, — ответила она. — Я взяла на себя смелость приказать вашим слугам не предупреждать о моём приходе.

— Что ты... — Одаш оборвал себя на полуслове.

Пеньюар скользнул с её плеч, упав к ногам бесшумной тенью.

Он резко выдохнул. Тонкая сорочка алого цвета — до неприличия открытая — едва скрывала то, что он так жаждал увидеть. Взгляд его блуждал по её фигуре, впитывая каждый изгиб, каждую линию. В штанах, в которых он обычно спал, стало невыносимо тесно. Он поспешно отвёл глаза,

устыдившись своей реакции.

Только тогда он заметил, что всё ещё сжимает в руке кинжал. Одаш посмотрел на него с лёгким недоумением, будто не понимая, как тот оказался в его ладони. Быстро, почти стыдливо, убрал оружие под подушку.

— Тебе лучше уйти, — пробормотал он, по-прежнему не глядя на неё.

Маленькая ладонь легла на его щеку — тёплая, невесомая. Она повернула его лицо к себе.

И тогда её губы — мягкие, сладкие, как мёд — коснулись его губ.

Всё самообладание рухнуло в одно мгновение. С тихим стоном он прижался к ней, впиваясь в её рот жадным, отчаянным поцелуем.

Глава 3

Утренний свет, пробиваясь сквозь ажурные занавеси, рассыпался по столу золотыми бликами. Одаш отложил ложку, прервав неспешную трапезу.

— Мне нужно съездить в порт. Вернусь только после обеда, — произнёс он, поднимая взгляд на Анну.

— Конечно, мой господин, — склонила голову девушка, едва уловимо улыбнувшись.

Сегодня у неё не было особых планов — вероятно, она провела бы день в компании Нины, изредка появляясь в гареме, чтобы не вызывать лишних вопросов. Но... что-то шевельнулось в душе — неудержимое желание увидеть мир за стенами дворца.

— Господин, — тихо окликнула она, и Одаш тут же обернулся. — Господин, могу я попросить вас?

— Для тебя — всё что угодно, душа моя, — ответил он без тени сомнения, и в его глазах вспыхнул тёплый свет.

— Могу ли я сопровождать вас в этой поездке? Я живу здесь больше года, но не считая выездов главный храм так ни разу не покидала стен дворца.

Действительно, так оно и было. Но эти выезды едва ли можно было назвать подлинными путешествиями.

В тот редкий день, когда женщинам гарема дозволялось покинуть его стены, столичная стража заблаговременно очи-

щала улицы. Ни единый прохожий не смел оказаться на пути процессии — лишь вооружённые стражи, выстроившиеся вдоль дороги, да безмолвные слуги, державшие в руках длинные шесты паланкинов.

Сами же женщины передвигались исключительно в закрытых носилках. Плотные занавеси не пропускали ни луча света, ни малейшего проблеска внешнего мира. Всё, что они могли разглядеть, — это смутные тени, скользящие по шёлковой обивке, да редкие блики солнца, пробивающиеся сквозь ткань.

По прибытии в храм у них не оставалось времени на разглядывание окрестностей. Всё внимание, каждая мысль, каждое движение были обращены лишь к тем, кто нуждался в помощи: к больным, к сиротам, к обездоленным. Они раздавали милость, утешали, слушали — и в этой священной суете не было места любопытству.

А если кто-то из них всё же пытался украдкой приподнять занавеску или выглянуть наружу — тут же раздавался тихий, но твёрдый окрик семмы Соен:

— Скромность, девушки. Скромность — вот что должно сиять в ваших глазах и отражаться в каждом жесте.

И женщины опускали взгляды, смиряя невольную тягу к неизведанному. Ведь скромность — одна из главных добродетелей обитательниц гарема. Таков закон. Такова их роль.

Одаш замер на мгновение, словно взвешивая её просьбу в ладонях. Затем улыбнулся — широко, искренне.

— Если ты действительно этого хочешь, то я буду только рад твоей компании, — сказал он, целуя её руку.

Завтрак завершился. Анна поспешила собраться, сердце её трепетало от предвкушения.

Как выяснилось, Одашу поручили встретить делегацию из Хорты — могущественного королевства, занимавшего большую часть Малого материка. Аркахаллу и Хорту разделял Элегейский пролив, но тесные экономические связи давно перешагнули водную границу. Хорта закупала руду, добываемую на северо-востоке Аркахаллы, в огромных количествах.

В свою очередь, Хорта щедро одаривала Аркахаллу сокровищами своего мастерства: тончайшие ткани, словно сотканые из лунного света, и изысканные ароматы парфюмерии, способные пробудить в душе забытые мечты.

Корабли, гружённые рулонами шёлка и бархата, неспешно тянулись по проливу, неся с собой дыхание далёкой земли. В каждом полотне таилась история — то переливы горных рассветов, то нежность прибрежного тумана. А флаконы с духами, укутанные в мягкую ткань, хранили секреты трав и цветов, собранных под южным солнцем.

Однако, несмотря на взаимную выгоду, хортские купцы славились надменным нравом. С ними предпочитали не связываться без крайней необходимости. И хотя Одаш недавно одержал победу в Совете, отношение к нему оставалось про-

хладным. Неудивительно, что эту непростую миссию возложили на него.

Кортеж двинулся в путь. Впереди — двое стражей верхом на гнедых конях, за ними — Одаш на своём Чёрном Демоне, величественном и непокорном. Следом — ещё двое стражей и паланкин избранной наследника. Замыкал строй верный Чоксо, молчаливый и бдительный.

Они прибыли точно в срок. Корабль уже пришвартовался, и по сходням один за другим спускались пассажиры.

Одаш и стражи спешили. Анна вышла из паланкина, и её глаза широко раскрылись от изумления. Когда их только привезли в Аркахаллу, Анна пребывала в состоянии глухой апатии. Мир вокруг словно утратил краски и смысл — он проплывал мимо, не задевая её сознания.

Портовые причалы с их суетой и многоголосием, узкие улочки, караваны выючных животных, пестрые лавки и крикливые торговцы — всё это осталось за гранью её восприятия. Она не поднимала глаз, не всматривалась в незнакомые лица, не отмечала ни красоты, ни уродства окружающего мира. Взгляд её скользил по предметам, не цепляясь ни за один из них, а мысли витали где-то далеко — там, где ещё жили призраки прежней жизни.

Дорога ко дворцу промелькнула, как сон: качание паланкина, приглушённые голоса стражи, мерный стук копыт — всё слилось в монотонный поток, не оставивший в памяти ни единого яркого образа.

И вот теперь — словно по воле насмешливой судьбы — тот самый порт, который когда-то прошёл мимо неё, предстал во всей своей ослепительной красе.

Солнце играло на глади воды, превращая её в россыпь золотых монет. Корабли с разноцветными парусами, словно птицы, застыли у причалов. Воздух был пропитан солью, пряностями и криками чаек. Торговцы зазывали покупателей, ремесленники стучали молотками, дети бегали между ящиками и тюками — жизнь бурлила, искрилась, дышала полной грудью.

Анна замерла, впервые за долгое время ощутив, как что-то дрогнуло внутри. Вокруг царила суета: крики матросов, скрип канатов, запах соли и смолы, шум волн, бьющихся о пристань. Она жадно впитывала каждую деталь — за долгие месяцы она действительно оказалась *за пределами* дворцовых стен.

Стражи рассредоточились, образуя защитный круг. Анна подошла к Одашу и встала за его плечом — не как тень, но как опора. Этот жест был полон смысла: она не просто сопровождала его — она поддерживала, разделяла его бремя.

Одаш обернулся. В его взгляде, обращённом к ней, светилась благодарность. Он улыбнулся — коротко, но так, что в этой улыбке отразилось всё, о чём он не мог сказать вслух.

Их было трое — и каждый словно сошёл с полотна, изображающего три грани одной и той же надменной, чуждой души.

Первый — тучный мужчина с лысой, лоснящейся головой и маслянистыми, словно пропитанными жиром глазами. Он утопал в тяжёлых ярко-жёлтых шелках, явно не предназначенных для палящего зноя столицы Аркахаллы. Солнце издевалось над ним: пот струился по лицу, капал с подбородка, скапливался в складках шеи. Он то и дело вытирал лоб платком — тщетно, ибо влага тут же возвращалась, будто насмехаясь над его усилиями.

Второй — полная противоположность. Высокий, худой, словно жердь, с вытянутым, хищным лицом. Острый нос, густые светлые брови, сведённые к переносице, придавали ему вид вечно недовольного стервятника. Светло-русые волосы, стянутые в низкий хвост, блестели от жира. Он окинул окрестности беглым, презрительным взглядом, а затем сжал тонкие губы так, что они превратились в узкую, безжалостную линию.

Но третий... Третий приковывал взгляд.

На вид он был немногим старше Одаша. Его одеяние не кричало о богатстве, но ткань — тонкая, благородная — говорила сама за себя. Белые волосы, чуть темнее натурального оттенка Анны, свободно падали на плечи. При повороте головы в правом ухе вспыхнула золотая серьга — короткий, холодный блик. Зелёные глаза скользили по окружающему, подмечая всё, ничего не упуская. Но в отличие от спутников, он держал лицо под маской бесстрастности. Ни тени эмоций. Ни намёка на слабость.

И что-то внутри Анны шепнуло: *этот опаснее всех.*

— Добро пожаловать в Дарамгет, уважаемые гости из Хорты! — произнёс Одаш, склоняя голову с достоинством, которое не нуждалось в подтверждении. — Меня зовут Одаш Баладжар. Я — истинный наследник Повелителя Аркахаллы, Джихиньяра Баладжара.

Послы обменялись взглядами — недоверчивыми, колючими.

— А разве наследника зовут не Магнеш? — бросил толстый, обращаясь к худому на родном языке, при этом растягивая губы в фальшивой улыбке, обращённой к Одашу.

Анна едва сдержала улыбку. *Как вовремя я выучила этот язык.*

Её учитель географии — выходец из Хорты — не зря тратил время. Теперь она могла слушать, не раскрывая себя. Могла видеть, как эти люди обнажают свою суть.

Она бросила короткий взгляд на Одаша. Он слегка нахмурился. Язык был ему незнаком — и это явно задевало.

— Магнеш — второй сын, — процедил худой, не убирая с лица гримасы отвращения. — У Джихиньяра двое сыновей. Хотя, говорят, старший слаб умом.

— Они были недалеко от правды, — хмыкнул толстый, снова прижимая платок к мокрому лбу.

— Что один, что второй — жалкие щенки своего брехливого отца, — добавил худой, уже не скрывая презрения.

Анна сжала пальцы в кулак, пряча их в складках одежды.

Не сейчас. Не выдавай себя.

Ей хотелось ответить — резко, хлестко, чтобы стереть с их лиц эту надменную гримасу. Но она молчала.

Пусть говорят. Пусть покажут, кто они на самом деле.

— Благодарим за приветствие. То, что на встречу пришёл сам наследник, несомненно, честь для нас, — процедил толстый посол, растягивая губы в натянутой улыбке.

Его аркахаллонский был жалким подобием языка — слова коряво спотыкались, сливались, будто не желали подчиняться чужеземцу. Пока Одаш и хортский представитель обменивались ритуальными любезностями, Анна исподволь наблюдала за третьим послом. Тот по-прежнему молчал, лишь зелёные глаза неторопливо скользили по окружению, подмечая каждую мелочь. *Какую роль отвели ему в этой игре?* — размышляла она.

— Смею заметить, уважаемый господин Одаш, что погода у вас невыносимо жаркая, — вновь раздался гнусавый голос толстого. — В прошлый раз нас встречали с прохладными паланкинами. А что теперь?

Тощий невольно провёл рукой по волосам, снова скривил губы, бросив злобный взгляд на безжалостное солнце. Анна уловила, как напряглись плечи Одаша. Он растерялся — это было видно по едва заметной заминке, по тому, как он сжал и разжал пальцы, словно пытаясь нащупать верный ответ.

Никто из Совета не предупредил его. Никто не объяснил, как вести себя с этими гордецами, что подготовить к их

приезду.

Ситуация грозила обернуться катастрофой. Послы могли объявить себя оскорблёнными, донести до Повелителя своё недовольство — и тогда вся миссия, все хрупкие договорённости повисли бы на волоске.

Анна глубоко вдохнула, чувствуя, как внутри разгорается решимость. *Пусть накажут. Пусть осудят. Но я не позволю им унижать его.*

Она сделала шаг вперёд — лёгкий, почти незаметный, но достаточный, чтобы привлечь внимание.

Три пары глаз обратились к ней — с разным оттенком удивления. Будто до этого мгновения её и вовсе не существовало в их мире. Тощий глядел с лёгким раздражением, толстый же — напротив — медленно, нескромно окинул фигуру с ног до головы, задержавшись на линии шеи, на изгибе талии.

— А что это за прекрасное создание рядом с вами, господин Одаш? — посол расплылся в улыбке, от которой у Анны по спине пробежал холодок.

Одаш нахмурился — негромко, но достаточно, чтобы выдать своё раздражение. Ему явно не понравился этот липкий, оценивающий взгляд.

Анна мягко коснулась его руки — едва ощутимое прикосновение, но оно возымело действие. Одаш выдохнул, плечи его чуть опустились. Она знала: он понял без слов. *Я с тобой. Я не дам тебя в обиду.*

— Позвольте представить вам госпожу Анну, мою избранную, — произнёс Одаш, твёрдо выдерживая взгляд толстого посла. В голосе его прозвучало недвусмысленное ударение на слове «*мою*», словно щит, ограждающий её от липких взоров.

— Если эта девка станет нашим приветственным подарком, то я готов стерпеть даже эту жару, — тихо, но отчётливо бросил толстый своему спутнику, не скрывая похотливой ухмылки.

— Говори за себя, — фыркнул тощий, однако в его взгляде мелькнуло то же нескрываемое вожеление.

Анна с трудом сдержала дрожь отвращения. *Мерзкие...* — пронеслось в её сознании. Их взгляды, их манеры — всё это воскресило в памяти образы иных, столь же самодовольных и бесстыжих. Воспоминания о прошлом обожгли душу, но дали ей силы — холодную, ясную решимость.

Она взвесила риски. *Что ждёт меня за эту дерзость?* Но мысль о том, что Одаш не позволит ей пасть, укрепила дух.

Плавным, почти небрежным движением Анна сняла покров, скрывавший лицо и волосы. Теперь она — избранная мензина, и право её открыто являть себя перед чужими мужчинами неоспоримо. Склонилась с изысканной грацией. Глаза опущены, на губах — лёгкая, почти неуловимая улыбка. Из-под ресниц она наблюдала за реакцией послов.

Нина может гордиться мной, — мелькнула гордая мысль. Даже вечно недовольный тощий теперь смотрел на

неё иначе — пристально, жадно, словно пытаюсь разгадать тайну, скрытую за этой сдержанной красотой.

— Позвольте мне присоединиться к словам своего господина и ещё раз поприветствовать послов Хорты, — произнесла она мягко, но с нескрываемой твёрдостью.

— О да, теперь мы видим, что ваша страна не только велика, но и прекрасна, — пробормотал толстый, всё так же коряво выговаривая аркахаллонские слова.

— Вы несомненно правы, — продолжила Анна. — Мой господин желал познакомить дорогих гостей с красотами столицы. Но боюсь, в паланкинах вы не увидите и десятой доли её великолепия.

Послы переглянулись. На лицах — тень сомнения, но и проблеск интереса. Взгляд их вновь обратился к Одашу — уже менее надменный, более благосклонный.

И тогда Анна заговорила совсем с другой интонацией — чётко, холодно:

— К тому же, мой любимый господин — сын своего отца, Повелителя, настоящий мужчина и истинный сын своего народа. А как известно, в Аркахалле в паланкинах передвигаются лишь женщины. Но если господам так уж сильно светит наше солнце и нет сил передвигаться верхом, то стоит лишь подождать — скоро придут столь желанные вам носильщики.

На мгновение воцарилась тишина.

Послы замерли.

Слова Анны повисли в воздухе, словно звон невидимого колокола, — и лишь спустя мгновение до них дошёл их истинный смысл. Тишина стала плотной, почти осязаемой, будто сама атмосфера сгустилась от неожиданности.

В Аркахалле патриархат был не просто традицией — он был законом, высеченным в камне. Женщина здесь — тень, шёпот, украшение. Ей дозволено молчать, улыбаться, подчиняться. Ей не положено *говорить* так — прямо, твёрдо, без заискивания, без робких оговорок.

Но Анна говорила.

Не повышая голоса, не срываясь на крик, не бросая грубых слов — она тем не менее обрушила на них целую бурю смыслов. В её взгляде, в ровном тоне, в чуть приподнятом подбородке читалось то, что не нужно было произносить вслух:

«Вы тут никто. Ваши титулы — пыль. Ваши угрозы — смешны. Вы нелепы в своей самоуверенности».

Один из послов дёрнул уголком рта, словно хотел что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Другой невольно сжал кулаки, но не нашёл в себе сил ответить — потому что ответ подразумевал бы признание её права говорить так. А этого права, по их законам, у неё не было.

Их лица побагровели. Оскорбление, нанесённое избранной наследника, было явным — и опасным. Они уже готовы были вспыхнуть, потребовать возмездия, но Анна знала: они сами угодили в ловушку.

Ведь тогда они осмелятся оскорбить не просто женщину — а женщину сына Повелителя. А значит, их слова — это удар по наследнику и по самому Джихиньяру Баладжару.

В глазах Анны горел тихий огонь. *Пусть будет, что будет.*

Анна не упустила ни мгновения — её взгляд, острый и внимательный, следил за каждым движением послов. Она уловила тот миг, когда глаза «тощего» налились кровью, а скулы напряглись в предвестии взрыва. Он уже готов был извергнуть поток язвительных слов, но... не успел.

За их спинами, молчаливый и невозмутимый, третий посол — тот самый, с холодными зелёными глазами — неспешно подхватил свою сумку. Без единого слова он направился к коню, уже оседланному и ждущему. Остальным ничего не оставалось, кроме как последовать его примеру.

Тощий бросил на Анну взгляд, полный кипящей ненависти — взгляд, в котором читалась немая угроза: *«Это ещё не конец»*. Но рядом стояли Одаш и Чоксо — незримая преграда, не позволившая ему высказаться напоследок и поставить «зарвавшуюся девицу» на место.

Этот раунд — мой, — мысленно отметила Анна. Но расслабляться было рано.

Пока послы устраивались в седлах, Анна направилась к паланкину. Но не успела она сделать и трёх шагов, как её мягко, но твёрдо остановили.

Одаш.

Его пальцы сомкнулись на её запястье чуть выше локтя, развернув лицом к себе. В глазах — смесь недоумения и настороженности.

— Ты понимаешь, что твои слова были весьма дерзки? Осознаёшь весь риск? — голос Одаша звучал строго, словно лезвие, едва касающееся кожи.

— Конечно, мой господин, — отозвалась Анна, склонив голову с почтительной покорностью. Но в глазах её, хоть и полуприкрытых ресницами, тлел неугасимый огонёк. — Однако... разве я сказала что-то лишнее?

Одаш невольно обернулся. За его спиной послы, бледные от сдержанного гнева, пытались взобраться на лошадей, которых им поспешно подвели слуги. Движения их были резкими, неловкими — будто даже седла вдруг стали им не по размеру.

— Что-то мне кажется, что их мнение на этот счёт с твоим не совпадает, — произнёс он хмуро, вновь поворачиваясь к Анне. В его взгляде читалась не только укоризна, но и нечто иное — то, что он сам боялся назвать. Восхищение? Тревога?

Она лишь пожала плечами, сохраняя невозмутимость.

Одаш задержал на ней взгляд — долгий, испытующий. Затем отпустил её руку, легко вскочил в седло Чёрного Демона, и процессия тронулась в обратный путь.

Анна жадно впитывала каждый миг. *Она впервые видела*

столицу.

Они проезжали через главную торговую площадь — пёстрое, шумное сердце города. Лавки и магазинчики теснились друг к другу: одни — богато украшенные, с зеркальными витринами; другие — скромные, с обшарпанными дверями. Торговцы зазывали покупателей — кто-то нараспев, кто-то с хриплым надрывом, кто-то — вкрадчиво, почти шёпотом. Они расхваливали товар, хватались за рукава прохожих, размахивали яркими тканями, блестящей посудой, ароматными специями.

На мгновение это напомнило ей Оттамору.

Рабский рынок.

Тот день, когда её едва не продали одному неприятному господину. Тогда слуга хозяина точно так же зазывал покупателей, расхваливая «товар» — с той же притворной улыбкой, с тем же масляным взглядом.

Анна встряхнула головой, прогоняя наваждение.

И тут её взгляд зацепился за сцену, от которой кровь застыла в жилах.

У входа в лавку — судя по всему, торговавшую посудой — среди выставленных напоказ тарелок и кувшинов, тучный мужчина с багровым лицом избивал хлыстом худенького парнишку. Одежда мальчика была рваной, грязной, а на спине уже алели следы от ударов.

Лицо мальчишки показалось Анне смутно знакомым. Она попыталась ухватиться за ускользающую мысль, но новый

удар хлыста — резкий, свистящий — вырвал её из раздумий.
— Остановитесь! — её голос, громкий и твёрдый, прорезал шум площади.

Паланкин замер.

Анна рванулась вперёд — стремительно, словно порыв ветра, — и в одно мгновение оказалась на улице. Чоксо, бесшумный и неотступный, скользнул следом, тенью прильнув к её спине.

Взгляд девушки был прикован к жуткой сцене у лавки. Лишь краем сознания она уловила окрик стража, обращённый к Одашу, и шум остановившейся процессии — но всё это казалось далёким, несущественным.

— Ах ты щенок! Тварь неблагодарная! Я покажу тебе, как нужно служить своему господину! — рычал тучный мужчина, не сбавляя ярости.

Его рука взметнулась — хлыст со свистом рассек воздух.

— Прекратите! — выкрикнула Анна, бросаясь вперёд и вставая между истязателем и жертвой.

Время словно замедлилось. Она увидела, как плеть летит прямо в её лицо — и внутренности сжались в ожидании жгучей боли. Но удара не последовало.

Чоксо.

Его рука, быстрая и твёрдая, перехватила хлыст в полёте. Рывок — и плётка оказалась в его ладони. Ещё одно движение — и торговец, не ожидавший сопротивления, отлетел назад, рухнув на землю.

Анна бросила короткий благодарный взгляд на телохранителя и повернулась к мальчику.

Тот стоял на четвереньках — уже не в силах подняться. Спина его была исполосована кровавыми рубцами. Грязная ткань, некогда, вероятно, бывшая рубашкой, болталась на худых плечах, разорванная в клочья. Светлые волосы, сальные и слипшиеся, падали на лицо, скрывая его черты. Пот, смешанный с грязью и кровью, стекал по щекам на пыльную землю.

Но что поразило Анну больше всего — он не издавал ни звука. Ни стона, ни всхлипа. Только тяжёлое, прерывистое дыхание да судорожные вздрагивания плеч. Он держался — упрямо, отчаянно, будто говоря своему мучителю: *«Ты ничего не добьёшься»*.

И завершающий штрих ко всей этой картине ужаса — железный ошейник раба на худой шее.

Анна опустилась рядом с ним на колени. Осторожно, почти нежно, положила ладони на его щёки, слегка приподняла голову, чтобы разглядеть лицо.

— О великие боги... Сайс, это и вправду ты? — выдохнула она, чувствуя, как слёзы подступают к глазам.

Мальчик поднял на неё мутный, затуманенный болью взгляд. В нём не было ни узнавания, ни понимания.

— Сайс, это я, — повторила она.

Быстрым движением сорвала с головы покров, скрывавший её лицо.

Несколько мгновений он просто смотрел на неё — будто сквозь пелену. Затем взгляд его прояснился. В зелёных глазах вспыхнули искорки узнавания — и надежды.

— Анна? — едва слышно прошептал он.

Она скорее угадала, чем расслышала это слово. Голос Сайса был осипшим, почти беззвучным. На сухих, потрескавшихся губах выступила кровь.

Силы покинули его. Тело обмякло, он начал заваливаться набок — но Анна успела подхватить его за плечи, не дав упасть. Она крепче прижала к себе Сайса, чувствуя, как в груди разгорается пламя — не гнева, нет. Чего-то более глубокого, более яростного. *Справедливости.*

За спиной Анны наконец-то очнулся торговец — тот самый, что ещё мгновение назад осыпал Сайса ударами хлыста.

— Что вы себе позволяете?! Кто вы?! Стража! — взвизгнул он, с трудом поднимаясь на ноги. Голос его дрожал от ярости и растерянности.

Анна медленно обернулась. В глазах — лёд, в голосе — сталь.

— Этот раб принадлежит вам? Я забираю его, — произнесла она твёрдо, едва сдерживая кипящую внутри ярость.

Слёзы, готовые пролиться мгновение назад, мгновенно высохли. Гнев, жгучий и беспощадный, выжег всякую слабость. Ей хотелось разорвать этого человека на части — медленно, методично, чтобы он почувствовал хоть каплю той

боли, которую причинил Сайсу.

— Что?! Да кто ты такая, дрянь?! — снова взорвался торговец, брызгая слюной.

— Моё имя вас не должно волновать. Этот мальчик отправится со мной во дворец Повелителя, — повторила Анна холодно, помогая Сайсу подняться.

Он едва держался на ногах, всем телом наваливаясь на неё. Несмотря на то, что они были почти одного роста, Анна без труда удерживала его — он был настолько худым, что, казалось, весил не больше пуха. Под ладонью отчётливо проступали рёбра. *Боги...* — пронеслось в её голове. *Куда подевался тот розовощёкий мальчуган, которого я помнила?*

— Да я тебя... Стража! — не унимался торговец. — Люди! Да что же это делается?! Крадут раба среди белого дня!

Вокруг уже собралась толпа. Господа и слуги, торговцы и ремесленники, даже рабы — все столпились, перешёптываясь, вытягивая шеи, пытаясь разглядеть, что происходит. Кто-то качал головой, кто-то ухмылялся, кто-то откровенно наслаждался зрелищем.

Торговец распалялся всё сильнее. Теперь из его речей выходило, что Анна не просто хотела забрать раба — она якобы намеревалась отнять у него лавку, имущество, всю его жизнь.

Наконец, не выдержав, он рванулся вперёд, размахивая кулаками, готовый вцепиться в Анну.

Но дорогу ему преградил Чоксо.

Вакхалиец стоял неподвижно, но в его позе читалась угроза. Глаза, холодные и пронзительные, не отрывались от торговца. Он тоже узнал Сайса — мальчика, который когда-то спас его. И сейчас в душе Чоксо бушевала та же ярость, что и в Анне.

— Что здесь происходит?! — прогремел над толпой голос Одаша.

— Склонитесь! Перед вами мензин Одаш Баладжар, истинный наследник Повелителя Джихиньяра Баладжара, правителя Аркахаллы! — громко провозгласил один из стражей.

Толпа мгновенно притихла. Люди, словно по команде, опустились на колени. Даже торговец, ещё секунду назад брызжащий слюной, рухнул на землю, втянув голову в плечи.

Люди расступились, образуя широкий проход. Одаш, всё ещё верхом на Чёрном Демоне, медленно приблизился к месту ссоры.

— О великий господин! — заскулил торговец, вытягиваясь в поклоне. — Эти люди, наплевав на все законы, пытались украсть моего раба!

— Ты едва не убил его! — не выдержала Анна, голос её дрогнул от гнева.

Злость пылала в ней, как пламя, готовое вырваться наружу. Ей хотелось схватить торговца за горло, встряхнуть, заставить почувствовать хоть каплю того ужаса, который пережил Сайс.

Мальчик едва держался в сознании. Ноги его подкашивались, пальцы судорожно цеплялись за одежду Анны, словно она была единственным якорем в этом мире.

— Это мой раб! Я всего лишь наказывал его за непослушание, — огрызнулся торговец, вскинув подбородок, но глаза его бегали, избегая взгляда Одаша.

— Этот человек хотеть... — начал Чоксо, но Анна резко перебила его:

— Нет, Чоксо.

Она поняла, что вакхалиец собирался сказать: торговец хотел ударить её. И тогда... тогда ему бы не миновать казни. Но это было бы слишком просто. Слишком быстро. Анна хотела, чтобы этот человек *почувствовал* — медленно, мучительно, как почувствовал Сайс.

Чоксо недовольно засопел, но спорить не стал.

— Это так, Анна? Ты хочешь забрать этого раба? — спросил Одаш, словно не замечая ни бормотания торговца, ни сдержанного гнева Чоксо.

— Да, мой господин, — ответила Анна твёрдо, глядя ему в глаза.

— Но, мензин... — попытался возразить торговец, однако Одаш оборвал его одним взглядом.

— Эта женщина — моя, — произнёс он резко, и в голосе его прозвучала такая сталь, что торговец невольно сжался. — И если она пожелает этого раба, значит, я куплю его у тебя.

— Что вы, господин... — залепетал мужчина, торопливо разводя руками. — Как я могу взять деньги с самого мензин-на? Этот раб — мой подарок вам. Если бы я только знал...

— Довольно, — оборвал его Одаш. — Он твой, Анна. — Затем, повернувшись к стражам, добавил: — Возвращаемся.

Мензин развернул Чёрного Демона и направился к послам, ожидавшим с явным недовольством. Толстый посол всё ещё вытирал мокрый лоб, тощий — недовольно поджимал губы. Они что-то резко бросили Одашу, когда он приблизился, но Анна не стала вслушиваться. Всё её внимание было сосредоточено на Сайсе.

Чоксо бережно подхватил измученного мальчика на руки.

— В паланкин, — тут же распорядилась Анна.

Вакхалиец нахмурился. Паланкин был одноместным. И хотя Анна и Сайс не отличались крупными габаритами, вдвоём им там было явно не разместиться.

Анна уловила немой вопрос в его глазах и ответила:

— Я поеду верхом. Найди мне лошадь.

Чоксо осторожно усадил мальчика в паланкин, кивнул стражу, чтобы тот оставался при Анне, и растворился в толпе, спеша выполнить поручение.

Анна присела рядом с Сайсом. Сердце сжималось от боли и жалости. Она осторожно убрала со лба мальчика влажные от пота волосы, но он даже не отреагировал — словно находился где-то далеко, за гранью реальности.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, Анна обернулась.

Толпа постепенно расходилась, бросая на неё любопытные, а порой и возмущённые взгляды. Торговец уже переключился на подошедших знакомых — размахивал руками, что-то возбуждённо рассказывал. Наверняка хвастался, что в его убогую лавку пожаловал сам наследник Повелителя.

Но Анна ощущала *другой* взгляд — пристальный, тяжёлый, не принадлежащий никому из этих людей.

Резко повернув голову вправо, она заметила третьего посла из Хорты. В отличие от своих спутников, он не тронулся с места. Стоял, слегка наклонив голову, и смотрел на неё — внимательно, задумчиво.

Заметив, что Анна его увидела, он тут же развернул лошадь и двинулся вслед за остальными.

— Неужели это и вправду ты, Анна? — донёсся до неё тихий, едва слышный голос Сайса.

Анна обернулась.

Сайс тяжело дышал, но его зелёные глаза — яркие, несмотря на изнеможение — жадно скользили по её лицу, словно пытались впитать каждую черту, убедиться, что это не сон. В их глубине плескалась отчаянная надежда, смешанная с неверием.

Девушка с трудом растянула губы в улыбке. Внутри всё сжималось от боли и жалости — таких острых, что они едва не лишали её дара речи. Протянув руку, она осторожно убрала с его лица влажный локон, прилипший ко лбу.

— Да, друг мой, это действительно я.

Вдруг Сайс захрипел, его тело содрогнулось от приступа кашля, и он начал заваливаться набок. Анна мгновенно подставила плечо, обняла его за плечи, стараясь не задеть кровоточащие раны на спине. Прижавшись щекой к его голове, она зашептала слова утешения — тихие, нежные, как дуновение ветра. Вторая рука невольно скользнула по его впалой щеке, поглаживая с такой бережностью, будто он был сделан из хрупкого стекла.

Рядом молча стоял страж, оставленный Одашем. После недолгой паузы он протянул флягу с водой — просто, без слов, но в этом движении читалась искренняя сочувственная нота.

— Спасибо, — искренне выдохнула Анна, принимая флягу.

Она осторожно помогла Сайсу сделать несколько глотков. Страж не отходил — наблюдал с нескрываемой жалостью. Мужчина был уже в годах, лет за сорок. Его мощная фигура в бело-золотой форме личной гвардии Повелителя выглядела внушительно, но лицо — с крупным носом, тонкими губами и смуглой кожей — излучало доброту. Типичный аркахаллонец, но в его карих глазах не было ни капли жестокости, только тихая печаль.

— У меня сын примерно такого же возраста, — словно оправдываясь, пробормотал он. — Жалко мальчишку. За что же с ним так?

— Скоро узнаем, — тихо ответила Анна, не отрывая

взгляда от Сайса.

Тот то ли уснул, то ли потерял сознание. Девушка осторожно уложила его на бок, поднялась, отдала флягу стражу и ещё раз поблагодарила. Затем прикрыла дверцу паланкина и устремила взгляд на торговую площадь.

Жизнь текла своим чередом. Кто-то неспешно прогуливался, наслаждаясь тёплым днём. Другие яростно спорили о цене товара, размахивая руками. Одни пришли сюда в поисках развлечений и свежих сплетен, другие торопились выполнить поручения хозяев. Но среди вольных горожан мелькали фигуры, от которых сердце Анны сжималось всякий раз.

Рабы.

Они двигались словно тени — без цели, без воли. Глаза потухли, лица застыли в маске безразличия. Уродливые железные ошейники обвивали их шеи, будто ядовитые змеи, напоминая о вечной несвободе. Анна знала эту боль не понаслышке. Она помнила, как сама когда-то ощущала холод металла на своей коже, как каждый шаг отдавался в душе глухим стуком отчаяния.

Её взгляд задержался на маленькой фигурке у угла лавки. Девочка лет четырёх. Она пряталась, но глаза — огромные, полные страха — неотрывно следили за Анной. Подбородок дрожал, будто она изо всех сил сдерживала рыдания. Худенькое тельце едва прикрывала серая тряпка, давно утратившая право называться платьем. На шее — тот же железный ошей-

ник, что и у Сайса. Скорее всего, они принадлежали одному хозяину.

Внезапно к девочке подбежала молодая женщина — тоже с ошейником. Она схватила её на руки, бросила на Анну испуганный взгляд и поспешила скрыться.

В этот момент вернулся Чоксо. В руках он держал поводья двух лошадей.

Когда процессия достигла дворца, Сайса без промедления доставили в покои Анны. Первым делом она велела позвать лекаря. К её удивлению, вместе с ворчливым стариком явилась и Нина.

В этот момент Чоксо, повинуясь просьбе Анны, осторожно снимал с шеи мальчика железный ошейник. Сайс уже бредил — лихорадка поднимала температуру, кожа пылала, а дыхание стало прерывистым.

Лекарь заворчал, что его обязанность — лечить обитательниц гарема, а не «приблудных оборванцев», но строгий взгляд избранной заставил его умолкнуть. С недовольным вздохом он приступил к осмотру.

— Кто это? — тихо спросила Нина, наблюдая, как лекарь промывает раны на спине мальчика, а Феруха, поспешившая к госпоже сразу после её возвращения, готовит целебные отвары.

Анна, убедившись, что Сайсу оказывают помощь, жестом позвала Нину в соседнюю комнату — не мешать работе.

— Ты должна знать: Садише весьма недовольна тем, что ты покинула дворец, — произнесла Нина, опускаясь на софу. Её голос звучал сдержанно, но в глазах читалась тревога.

— Я была со своим господином, а значит, правил не нарушала, — равнодушно пожала плечами Анна.

— Так-то оно так, но Садише остаётся главой гарема. Покидая его пределы, ты обязана просить её дозволения. Боюсь, эта выходка тебе аукнется, — строго добавила наложница. — Ты слишком расслабилась, Анна. Одаш сохранил титул, но его положение шатко. Не факт, что он сумеет тебя защитить, если дело дойдёт до открытого конфликта. Ты будто в насмешку дёргаешь тигра за усы. Осторожнее.

Анна промолчала. Она знала: Нина права. Но терпение иссякло. Сидеть, ждать, подчиняться — всё это больше не имело смысла.

Заметив, что её слова не возымели действия, Нина вздохнула:

— Я тебя предупредила. Дальше решай сама.

Анна мысленно поблагодарила её за то, что она не стала продолжать наставления. Настроение девушки и так балансировало на грани.

— Так кто этот мальчик? — повторила Нина, смягчая тон.

— Такой же раб, как и я, — тихо ответила Анна, присаживаясь рядом. — Когда мы с Чоксо попали в рабство, вакхалиец был тяжело ранен. Я буквально носила его на руках, выхаживала — в тех условиях это казалось невозможным.

Нам помогла одна знахарка и её внук. На рынке рабов нас разлучили: меня забрали в гарем, и я больше их не видела. Сегодня, проезжая торговую площадь, я заметила, как мужчина избивает мальчика-раба. Это оказался Сайс. Я забрала его.

Нина не произнесла ни слова — лишь медленно покачала головой. Если история её удивила, она не показала этого.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь приглушёнными голосами из соседней комнаты — лекарь давал указания, Ферухе шепотом успокаивала Сайса, изредка доносились его тихие стоны.

Анна откинулась на спинку софы, закрыла глаза. Перед внутренним взором пронеслись обрывки прошлого:

... Телега, на которой она тащила раненого Чоксо.

... Старуха-знахарка, протягивающая флягу с травяным отваром.

... Из-за её плеча робко выглядывает щекастый паренёк — Сайс, тогда ещё полный жизни.

... Рынок рабов: последний взгляд на добрую женщину, крик торговца, заносящего руку для удара.

Нынешний Сайс мало напоминал того мальчишку. Но это был он.

Мысли Анны переметнулись к другим рабам — к тем, чьи потухшие глаза она видела на площади. Они сдались. Их плечи были опущены, души — сломлены. Такие же невольники, как и она.

Но разница была в одном: Анна не собиралась сдаваться. Она будет бороться.

До конца.

Из спальни вышел лекарь. Анна распахнула глаза.

Старик метнул в её сторону взгляд, полный сдержанной неприязни, но, вспомнив, с кем имеет дело, всё же склонил голову — едва-едва, словно боясь перегнуть палку. Голос его звучал сухо, отрывисто:

— Я обработал все раны. Глубокие — зашил. Жар спал. Оставил вашей служанке рекомендации и всё необходимое для перевязок. Никаких физических нагрузок, пока раны полностью не затянутся. Для дальнейшего выздоровления ему понадобятся отдых и хорошее питание.

Было очевидно: ему претило не только разговаривать с Анной, но и вообще возиться с каким-то рабом. Однако выбора у него не имелось — девушка ясно дала это понять с самого начала.

И оттого её следующие слова — искренние, без тени высокомерия — стали для него настоящим потрясением.

— Благодарю вас. Прошу прощения за резкость, — произнесла Анна мягко.

Лекарь замер. В его глазах вспыхнуло недоумение. Он даже слегка покраснел, осознав, что сам не скупился на резкие выражения. Пробормотав что-то невнятное, он поспешил удалиться, бросив на девушку последний, задумчивый взгляд.

Нина тоже вскоре отклонялась — её вечно ждали срочные дела.

Анна тихо приоткрыла дверь спальни.

Сайс спал на её кровати — на животе, чтобы не тревожить раны. Его не стали одевать в чистую рубашу и не накрыли покрывалом: так было проще следить за состоянием спины. И теперь Анна могла разглядеть всё в ужасающей подробности.

Свежие раны — кровавые, воспалённые — явно появились сегодня. Но рядом с ними тянулись старые рубцы — бледные, но всё ещё заметные. Это наказание не было для Сайса в новинку.

Ферухе молча убирала окровавленные бинты и инструменты, оставленные после работы лекаря. Время от времени она бросала на мальчика жалостливые взгляды — тихие, полные сострадания.

В этот момент двери в покои Анны резко распахнулись.

На пороге стоял Одаш — лицо напряжённое, в глазах — сдержанный гнев.

Анна мгновенно прикрыла дверь спальни, чтобы не потревожить сон Сайса, и вышла навстречу.

— Не хочешь объяснить? — бросил он, скрестив руки на груди. Голос звучал холодно, но в нём угадывалась едва сдерживаемая буря.

— Что именно вас интересует, господин? — спросила она спокойно, глядя ему прямо в глаза.

— Зачем ты устроила то представление?

— Не уверена, что понимаю, о чём вы, — ответила Анна, не отводя взгляда.

Одаш резко шагнул вперёд, схватил её чуть выше локтей и притянул к себе.

— Что за спектакль с торговцем посреди площади — и на глазах у иностранной делегации?! — прорычал он ей в лицо, и в его голосе прозвучала не только злость, но и что-то ещё — тревога, беспокойство, скрытое за гневом.

Это был первый раз, когда он по-настоящему разозлился на неё.

Что задело его глубже — её непослушание или внезапное сомнение в собственных силах? В душе Одаша шевельнулась горькая мысль: возможно, он сам оказался не готов.

Ведь ему впервые доверили столь ответственное дело. Не просто формальный ритуал — а настоящую проверку. И он хотел — отчаянно хотел! — показать себя с наилучшей стороны. Не только перед послами, чьи холодные взгляды он ощущал кожей. Не только перед Анной, чьё одобрение вдруг стало для него необъяснимо важным. Но прежде всего — перед самим собой.

Он представлял это иначе.

В его воображении всё складывалось безупречно: чинная процессия, сдержанные речи, безупречная дипломатия. Но реальность оказалась насмешливой пародией на его мечты.

Сначала — недовольные перешёптывания послов из-за отсутствия паланкинов. Затем — дерзкое приветствие Ан-

ны, прозвучавшее как вызов. А после — та сцена на площади: её схватка с торговцем из-за какого-то раба, её непоколебимая решимость, её *непокорность*.

Всё пошло не так. Совсем не так.

И теперь, глядя на Анну, он чувствовал, как внутри разгорается огонь — не только гнев, но и что-то ещё, смутное, тревожное. Возможно, страх. Страх перед тем, что он не справился. Перед тем, что она — эта маленькая, упрямая девушка — каким-то образом стала мерилom его силы.

Вот почему он сорвался. Вот почему его голос звучал так жёстко, а взгляд — так холодно.

— Представление?! — вспыхнула Анна, несмотря на боль в сжатых предплечьях. — Он едва не убил мальчика!

— Если тебе стало жаль его, ты могла просто купить или забрать. Стоило лишь назвать моё имя, — голос Одаша звучал ровно, но в глазах плескалось раздражение. — Зачем нужно было устраивать скандал и нападать на торговца?

— Он его избивал! — сорвалась на крик Анна, словно пытаясь вбить в него очевидную истину.

— Это было его право! — так же громко ответил наследник, и в его тоне прорезалась холодная непреклонность. — Его право, как хозяина. Ведь этот мальчик всего лишь...

— Раб? — перебила Анна, резко высвобождаясь из его хвата. — Да, вы правы. У него, как у хозяина, есть право избить его, морить голодом или просто убить. Конечно. Ведь мальчик — раб. Всего лишь раб. У него нет никаких прав,

ведь в глазах хозяев он хуже скота. Так? Рабы — мусор, грязь под ногами господ. Их жизнь ничего не стоит. Их можно продать, купить, убить, подарить... Или даже разводить, как собак или свиней.

Она сделала шаг назад, голос дрогнул, но она продолжила, чеканя каждое слово:

— И я ни на минуту об этом не забываю. Ведь я тоже — всего лишь рабыня. А вы — мой хозяин. Я нарушила ваш приказ? Осмелилась опозорить своего господина? Теперь заслуживаю наказания?

С этими словами Анна опустилась на колени. Покорно сложила руки на груди, склонила голову, обнажая шею — классическая поза провинившегося раба. Та самая поза, которую в доме её бывшего хозяина вбивали в неё ударами и угрозами.

Ферухе, выглянувшая из спальни, прижала ладони к груди, задышавшись от ужаса. Чоксо, стоявший рядом, сжал рукоять кинжала так, что побелели пальцы. Он был готов броситься на защиту госпожи в любую секунду.

Одаш замер. Его взгляд, широко распахнутый, скользнул по Анне — по её прямой спине, по склоненной голове, по бледным, напряжённым рукам. В этот момент он увидел не избранную, не возлюбленную — а рабыню. Ту, кем она была по закону этого мира.

И что-то в нём надломилось.

Он опустился перед ней на колени. Руки, большие и тёп-

лые, бережно обхватили её лицо, заставили поднять голову.

— Прости меня, — произнёс он охрипшим от волнения голосом. — Прости. Я не имел права срываться на тебе.

— Господин... — начала Анна, но он не дал ей продолжить.

— И ты не рабыня. Для меня — точно нет. Ведь это я... твой раб навечно. И клянусь своей жизнью, что сделаю всё, чтобы ты стала свободной.

Его губы коснулись её губ — быстро, почти судорожно, как будто он боялся, что не успеет. Затем он резко поднялся, развернулся и вышел, не оглядываясь.

Ферухе тут же бросилась к госпоже, помогая ей подняться. Но Анна всё ещё смотрела на закрывшуюся дверь. В голове роились мысли — острые, противоречивые, как осколки разбитого зеркала.

Он сказал «всё, чтобы ты стала свободной»... Но что это значит?

Анна сидела перед зеркалом. Движения были размеренными, почти механическими: гребень скользил по волосам, разделяя их на ровные пряди. Но взгляд... Взгляд её скользил не по отражению, а куда-то дальше — сквозь стекло, сквозь стены, туда, где на торговой площади всё ещё жили тени тех, кого она сегодня увидела.

Сайса перенесли в комнату Чоксо. Никто из слуг не горел желанием делить кров с хмурым вакхалийцем — так что

до сегодняшнего дня он был единственным хозяином этого скромного, но уютного уголка. Теперь же там, на жёсткой койке, спал измученный мальчик, а Чоксо, как и всегда, стоял на страже у дверей.

Ферухе давно закончила свои хлопоты: сменила постель, приготовила ночную одежду, растопила ароматные травы в жаровне. Теперь она ушла к себе, оставив госпожу в тишине.

Анна отпустила гребень. Зеркало отражало её профиль — тонкий, напряжённый, с тенью тревоги под глазами. Мысли кружились, цеплялись друг за друга, возвращались к одному и тому же: к рабам на площади. К их потухшим взглядам. К ошейникам, впивающимся в кожу.

— Чоксо? — тихо позвала она.

Даже в поздний час она знала: он придёт. Где бы он ни был, что бы ни делал — он услышит её голос. Так было всегда.

Он вошёл бесшумно, замер у двери, словно часть тени.

— Ты можешь незаметно покинуть дворец? — спросила Анна, переходя на родной иррильский. Голос её звучал едва слышно, будто боялся разбудить спящие стены.

Чоксо кивнул.

— Отправляйся на торговую площадь. Узнай как можно больше о рабах местных торговцев. Где их содержат? Как к ним относятся? Что им нужно?

— Белая женщина хочет помочь невольникам? — в его голосе не было удивления, лишь спокойное принятие.

— Мы сами недавно были такими же, — тихо ответила Анна, глядя в зеркало, но не видя своего отражения. — Да, сейчас мы во дворце. Но по сути... мы всё ещё рабы. Только нам повезло чуть больше. И если у нас есть возможность помочь тем, кому повезло меньше, мы должны это сделать. Я хочу хоть немного улучшить их жизнь.

Чоксо молча склонил голову. Без слов, без лишних вопросов. Он понял.

Бесшумной тенью он скользнул прочь, растворяясь в полумраке спящего дворца. В его груди теплилось странное чувство — благодарность. Благодарность богам за то, что когда-то свели его судьбу с этой маленькой, хрупкой девушкой.

Кто бы мог подумать, — размышлял он, шагая по безмолвным коридорам, — что я, всадник и сын степи, буду верен девчонке из далёкой земли? Но видит Небо — она сильнее и благороднее всех вождей, которых я знал.

И он поклялся себе: он будет ей верным слугой. До конца.

Глава 4

Ночью за ней пришли.

Двое молчаливых стражей ворвались в покои, словно тени, рождённые мраком. Не говоря ни слова, они схватили спящую Анну под руки и рывком выдернули из постели. Ткань ночной сорочки затрещала, едва не разорвавшись.

Ферухе, прибежавшая на шум, попыталась встать на защиту госпожи — но один небрежный толчок отшвырнул её в сторону. Девушка вскрикнула, ударившись о пол, но даже там, дрожа и пытаясь подняться, продолжала звать Чоксо. Она не знала, что вакхалиец уже покинул дворец — по приказу самой Анны.

— Что вы себе позволяете?! — голос Анны звучал твёрдо, несмотря на холод, сковавший сердце.

Но стражи не ответили. Двое амбалов, словно немые извращения, продолжали вести её куда-то в глубь дворца. Их пальцы впивались в предплечья, но Анна не сопротивлялась. Она шла с ровной спиной, с гордо поднятым подбородком.

По пути им встречались стражи и евнухи. Они молча отводили глаза, будто боялись даже взглянуть на неё. И в этом молчании, в этом уклонении взглядов Анна начала понимать, куда её ведут.

Личная гвардия Повелителя.

Самый элитный отряд Аркахаллона, известный так же как

Золотой отряд. То, что за ней прислали именно их, было... даже лестно. Но в этой лестности таилась угроза — холодная, беспощадная.

Стражи вывели её из гарема и повели в мужскую часть дворца. Анна мельком отметила, что они миновали покои мензинов и теперь углублялись всё дальше — к самым сердцу дворца, к покоям Повелителя.

В гостевой комнате Повелителя, несмотря на поздний час, было многолюдно. Свечи горели так ярко, что их пламя искажало лица собравшихся, придавая им хищные очертания.

За массивным столом сидел сам Повелитель — усталый, но оттого ещё более грозный. Рядом с ним: айшир Анаташ — первый советник; айшир Кенжах — верный подвижник старшей наложницы; айшир Фришэх — брат махирад Садیشه, член Совета; секретарь Повелителя (имя которого Анна не смогла вспомнить); и, конечно, посол из Хорты — тот самый, тощий и вечно недовольный, как мысленно называла его Анна.

Его присутствие всё объясняло. *Он не смог проглотить оскорбление.*

Анна остановилась на пороге, окинув взглядом эту грозную компанию. В груди билась одна мысль: «*Они думают, что напугают меня?*»

Она выпрямилась ещё сильнее, если это было возможно, и встретила взгляд Повелителя без тени страха.

Стражи, не проронив ни слова, провели Анну в центр

комнаты и с грубой решительностью заставили опуститься на колени. Их пальцы на миг сжались на её предплечьях — жёстко, без намёка на сочувствие, — а затем разомкнулись, оставив её одну под перекрестьем пристальных взглядов.

В воздухе повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием свечей. Пламя дрожало, искажая лица собравшихся, превращая их в маски — то ли гнева, то ли любопытства, то ли холодного расчёта.

— Это она? — первым нарушил молчание айшир Кенжах, повернувшись к послу Хорты.

Тот кивнул. Взгляд его, полный неприкрытой ненависти, не отрывался от Анны. Повелитель молчал, словно наблюдал за происходящим со стороны, а айшир Анаташ задумчиво поглаживал длинную бороду, будто мысли его витали где-то далеко.

— Кто ты такая? Как посмела жалкая рабыня оскорбить мужа славной Хорты? — голос айшира Фришэха звенел от ярости, раскатываясь по комнате, как удар хлыста.

Но тут неожиданно вмешался айшир Анаташ:

— Мой Повелитель, позвольте мне держать слово. Я ни в коем случае не желаю обидеть нашего уважаемого гостя, но, быть может, стоит рассмотреть этот инцидент со всех сторон? Возможно, посол неверно истолковал слова девушки, и она вовсе не намеревалась его оскорбить.

Глаза посла вспыхнули гневом. Он резко повернулся к старцу, сжав кулаки. Айшир Фришэх, до этого буравящий

Анну взглядом, тоже устремил взор на советника.

— Рассмотреть со всех сторон?! — голос брата Садише взвизгнул, разрывая тишину. — Конечно, она будет оправдываться, всё отрицать! Да и какая разница, что именно она сказала? Факт остаётся фактом: эта девка осмелилась открыть рот в присутствии наших гостей, тем самым опозорив нас! Слов уважаемого господина Эдль Вар Нгиемона достаточно, чтобы наказать её!

— Жаль, что вы не научили держать язык за зубами свою жену, — тихо, почти шёпотом, произнёс кто-то из советников.

Айшир Фришэх побагровел. В комнате поднялся гвалт. Мужчины кричали, перебивали друг друга, размахивали руками — и Анне на мгновение показалось, что она очутилась в общей зале гарема, где собрались взбудораженные наложницы. Трудно было поверить, что так ведут себя взрослые, облечённые властью мужчины.

Она наблюдала. Внимательно. Запоминала. В порыве злости они говорили много лишнего — и эти слова, эти интонации, эти взгляды могли однажды стать оружием.

Айшир Анаташ снова умолк, лишь усмехнулся в бороду, наблюдая за орущими. Стражи стояли рядом с Анной — неподвижные, как статуи, — готовые в любой миг скрутить её, а то и лишить жизни.

И тут Повелитель поднялся.

Тишина обрушилась мгновенно. Советники пристыженно

склонили головы, отвели взгляды, словно дети, которых застали за шалостью.

Джихиньяр, не обращая на них внимания, медленно приблизился к Анне. Его тень накрыла её, как тяжёлое покрывало.

— Скажи, женщина, ты действительно оскорбила посла? — в голосе Повелителя Аркахаллы зазвучали рычащие нотки, предупреждающие, как раскаты далёкой грозы.

Анна произнесла одно единственное слово:

— Нет.

В следующий миг щеку Анны опалило жгучей болью. Звук удара отразился от стен, словно раскат глухого грома в замкнутом пространстве. Повелитель ударил с такой силой, что её голова резко дёрнулась в сторону, зубы клацнули, а во рту тут же появился металлический привкус крови. На руке Джихиньяра Баладжара сверкнул массивный золотой перстень-печатка — его острый край оставил на нежной коже девушки рваную царапину.

Анна рефлекторно прикоснулась к пылающей щеке. Когда она отвела пальцы, на них алели капли крови. *Действительно оцарапал.*

— Не смей мне лгать! — прошипел Повелитель, нависая над ней.

— Её нужно просто казнить! — вновь взвизгнул айшир Фришэх, голос которого звенел от злорадства.

Но на его слова, слава богам, никто не обратил внимания.

Джихиньяр Баладжар резко развернулся и направился к своему месту. Анна смотрела ему в спину, и в груди её разгоралось пламя — не страха, а ярости. Ярости и обиды от этой вопиющей несправедливости.

И тогда она заговорила. Тихо, но чётко, чеканя каждое слово:

— Элматтала кинв тор пса. Ик еж кробсаат инсиата тор элов.

Джихиньяр замер. Советники разом умолкли, переглядываясь в растерянности. Посол из Хорты внезапно побагровел, его дыхание участилось, а взгляд метался между Повелителем и Анной.

— Какой это язык? — спросил один из советников, нарушая напряжённую тишину.

— Кхм... это... язык Хорты, — неуверенно ответил другой.

— И что она сказала? — прозвучал новый голос, дрожащий от любопытства и тревоги.

Советник, к которому был обращён вопрос, вдруг пристыженно опустил глаза, словно пытаясь слиться с полом.

— Что она сказала?! — взревел Повелитель, и его голос эхом разнёсся по залу.

— Я... кхм... я не имею права... — пролепетал советник, сжимая кулаки.

Джихиньяр Баладжар метнул на него взгляд, полный ледяной ярости. Советник съёжился, не смея поднять глаз. Ай-

шир Фришэх в изумлении переводил взгляд с посла Хорты на Анну, не понимая, что происходит. А посол, в свою очередь, смотрел на девушку так, словно хотел испепелить её взглядом.

Тут вперёд выступил один из молодых советников. Смущённо приблизившись к Повелителю, он что-то зашептал ему на ухо.

По мере того как он говорил, брови Джихиньяра взлетели вверх, а в глазах вспыхнуло дикое изумление. Анна поняла: слова переведены.

Лицо Повелителя побагровело от гнева. Губы сжались в тонкую, белёсую линию.

— Эти слова произнёс посол Хорты, глядя мензину Одашу в глаза, — спокойно, но твёрдо сказала Анна. — Он насмеялся над ним, пользуясь тем, что мой господин не знает их языка. Но я знаю. И если моя вина в том, что я не смогла вынести оскорблений в адрес мензина, тогда я действительно заслуживаю казни.

В зале нарастал гул — советники, не сдерживаясь, перешёптывались, обменивались взглядами, полными недоумения и тревоги. Шёпот сливался в монотонный ропот, будто далёкий прибой, бьющийся о скалы сомнений.

Повелитель Джихиньяр Баладжар не сводил глаз с Анны. Его кулаки то сжимались до белизны костяшек, то разжимались, словно он боролся с невидимой силой, рвущейся наружу.

— Посол оскорбил не просто вашего сына, — голос Анны звучал ровно, но в нём таилась сталь. — Он оскорбил мензину, истинного наследника этой страны. Вашего наследника. Наследника Повелителя. А значит — и самого Повелителя и всю Аркахаллу. Моя вина лишь в том, что я указала наглесту его место.

Слова повисли в воздухе, и зал словно замер. Даже свечи, казалось, перестали мерцать, застыв в напряжённой тишине.

Взгляд Повелителя изменился. Теперь он смотрел на Анну так, будто видел её впервые. Не рабыню. Не безмолвный предмет. Не тень в углу покоев. Он смотрел на человека — с умом, с характером, с отвагой. В его глазах вспыхнул интерес — острый, цепкий, как лезвие.

— Позвольте заметить, мой Повелитель, но эта девушка абсолютно права, — раздался спокойный голос айшира Анаташа, разрезавший тишину, словно нож.

— Нужно ещё доказать, что её слова — правда, — бросил кто-то из советников, но Анна даже не повернула головы. Её взгляд был прикован к Повелителю, к малейшему движению его лица, к тени мысли, промелькнувшей в его глазах.

— Повелитель, кому вы верите? — вновь заговорил советник, голос его звенел от напряжения. — Послу Хорты, уважаемому господину... или какой-то жалкой рабыне?

В этот миг в двери постучали. В зал вошёл страж — молодой, собранный, с лицом, лишённым эмоций. Он поклонился Джихиньяру Баладжару, затем подошёл к айширу Аната-

шу и что-то быстро зашептал ему на ухо. Советник выслушал, принял из рук стража свиток и жестом отпустил его.

— Мой господин, этот свиток передал глава послов, — произнёс Анаташ, протягивая документ Повелителю. — Здесь сказано, что во всей этой ситуации виновен посол Эдль Вар Нгиемон. Он действительно оскорбил мензина Одаша. Девушка лишь заступилась за честь своего господина и ни в чём не виновата. Господин Нгиемон будет жестоко наказан. Посольство Хорты приносит свои извинения.

С каждым словом советника лицо посла бледнело, словно краска смывалась невидимой волной. Его глаза расширились от ужаса, а губы дрожали, не в силах произнести ни звука.

По знаку Анаташа к послу тут же подошли стражи. Они взяли его под руки — не грубо, но непреклонно — и вывели из зала. В коридоре раздался приглушённый стон, затем торопливые шаги, удаляющиеся всё дальше.

Повелитель наконец оторвал взгляд от Анны и углубился в чтение свитка. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то неуловимое — то ли удовлетворение, то ли задумчивость.

Все присутствующие замерли, шокированные, не веря своим глазам. Тот самый советник, который ещё недавно требовал казни Анны, побелел, словно призрак. Его губы дрожали, а руки непроизвольно сжимались в кулаки.

В этот момент в зал ворвался мензин Одаш. За его плечом, едва успевая за ним, бежала Ферухе — её глаза были

полны тревоги, а дыхание прерывистым. Она остановилась у двери, переводя взгляд с Повелителя на Анну, пытаясь понять, что произошло.

Одаш шагнул вперёд, но остановился, увидев выражение лица отца. В воздухе повисла тяжёлая пауза — момент, когда прошлое столкнулось с настоящим, а будущее замерло на краю пропасти.

— Что здесь происходит? — голос Одаша прозвучал твёрдо, словно клинок, вырванный из ножен.

Он шагнул вперёд, закрывая Анну своей спиной — не просто жестом защиты, но явным вызовом. Теперь между ней и Повелителем стоял *мужчина*, готовый отстаивать своё право на решение.

Джихиньяр Баладжар вскинул взгляд на сына. В глазах его мелькнуло удивление, тут же сменившееся чем-то более глубоким. Он *видел* перемены. Видел, как из робкого юноши, прятавшего глаза и запинавшегося на каждом слове, Одаш превратился в человека, способного держать спину прямо и говорить без страха. После Турнира, после признания его истинным наследником, сын начал вникать в дела государства — и делал это с удивительной сноровкой.

Сейчас перед ним стоял не мальчик. Перед ним стоял *наследник*.

— Ничего такого, о чём бы тебе стоило волноваться, — ответил Повелитель, голос его звучал ровно, но в нём таилась невысказанная тяжесть. Он передал свиток айширу Анаташу

и, не глядя больше ни на сына, ни на Анну, направился к выходу. — Время позднее. Совет окончен.

Советники замерли, переглядываясь в недоумении. Они ждали приговора, ждали наказания для девушки — но ничего не произошло. Молча, словно по незримой команде, они потянулись к дверям.

Проходя мимо Одаша, айшир Анаташ улыбнулся — едва заметно, в бороду — и склонил голову перед наследником. Одаш не ответил на жест. Его взгляд был прикован к Анне.

Он обернулся к ней, помог подняться — и, не говоря ни слова, крепко прижал к груди. Анна почувствовала, как напряжение, сковывавшее её тело, начинает отступать. Она прильнула к нему, вдохнула знакомый запах кожи и ткани — и только тогда осознала, как сильно устала.

Одаш встревоженно всмотрелся в её лицо. Заметил алый след от удара, тёмную царапину, оставленную перстнем Повелителя. Его губы сжались в жёсткую линию. Без лишних слов он подхватил её на руки и, не обращая внимания на любопытные взгляды, унёс прочь — туда, где её ждали тишина и безопасность.

Айшир Анаташ шёл через сад, залитый золотистым светом утреннего солнца. Листья шептались на ветру, а он, погружённый в мысли, прокручивал в голове события последних дней. Всё происходило с невероятной скоростью — словно мир решил наверстать упущенное за долгие годы за-

стоя.

Утреннее приглашение Повелителя не стало для советника неожиданностью. Он догадывался, о чём именно желает поговорить Джихиньяр Баладжар. Вести, доставленные полами Хорты, были тревожными. Если не найти решение, страна могла оказаться на грани войны.

Но первый же вопрос Повелителя застал Анаташа врасплох.

— Что ты знаешь об этой девчонке? — не отрывая взгляда от документов, спросил Джихиньяр.

Голос его звучал буднично, почти равнодушно, но советник знал: за этим спокойствием кроется острый интерес. Он на мгновение замер, подбирая слова.

— Она... необычна, мой господин, — наконец произнёс он. — Умна. Смела. И, что важнее всего, умеет слушать.

Повелитель поднял глаза, и в их глубине Анаташ уловил искру любопытства.

— Не просто слушать, — продолжил советник. — Она слышит то, что другие пропускают мимо ушей. И говорит то, что многие боятся произнести вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.